

ОЛЬГА ШИПОВСКАЯ

МЕРЕШИЦА



Ольга Шиповская

МЕРЕЩИЦА

<https://litres.ru/74263028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша Зорина - городская девчонка. Она любит свой блог в интернете, бег и веселье с друзьями. Но однажды всё переворачивается с ног на голову: родителям выпадает редкий шанс и они улетают по работе в далёкую Африку. Саше же предстоит провести каникулы у родственников в настоящей глуши!

И всё бы ничего: родня - милые, безобидные люди, да и полезно бывает сменить привычную обстановку на новое место. Вот только место это уж больно странное...

Содержание

Повесть 1. Легенда о Гремящем	4
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ольга Шиповская

МЕРЕЩИЦА

Повесть 1. Легенда о Гремящем

*Что тебе мерещится
В сумрачном лесу?
Грезится да плещется.
Сгинешь — не спасу.
Скрылось солнце в омуте.
Отворилась дверь:
Что было схоронено —
Пред тобой теперь...
Шепчет хмарь белёлая
Имена в ночи.
За тобою послана.
Тише. Не кричи.
Дремлет страж, не даст ответ.
Двери на замках.
И на спящих улицах
Притаился страх.
Мир на части делится —
В силе Договор.
Зло туманом плещется.
Бесконечный спор.
Раз решился — выходи
И судьбу встречай.
Там беде не справиться,*

Где горит Свеча.
Колыбельная Свечи

ЛЕГЕНДА О ГРЕМЯЩЕМ

МЕРЕЩИЦА

ОЛГА ШИПОВСКАЯ

Вот уж чего Саша терпеть не могла, так это когда её ставили перед фактом. Ну серьёзно! Разве в четырнадцать лет она не имеет права на собственное мнение? Особенно живя в таких ужасных условиях: бесконечные уроки, всезнающие учителя, вредные одноклассники... Не все, конечно, но от некоторых аж зубы сводит! А теперь ещё и эта внезапная командировка родителей в Африку для изучения популяции львов. Они переживали и долго думали. Не львы, родители. А потом решили согласиться. «Шанс на миллион! — восторженно произнёс папа. — Ещё и квоту на проживание и оборудование выделяют. Сроду такого не было!»

Понятное дело, нужно было соглашаться, но как же она, Саша?! Мама обещала, что это только на два месяца, а потом дядя Андрей полетит к ним и возьмёт любимую племянницу с собой. В Африке побывать, конечно, интересно, но ведь июнь и июль ей предстоит просидеть у дальних родственников. На краю земли! В Мерещице! Что это вообще за название такое?!

— Интернет? А чем тебе, милая, этот мир не угодил, раз всё в другом прячешься?

Ударение было сделано на слове «этот».

Тётя Лида вытерла руки о передник. Её кудрявые чёрные волосы, заплетённые в толстую косу, голубую косынку и широкий сарафан без рукавов покрыли белёсые разводы от муки. Будто тётя где-то нашла сугроб и нырнула в него с голо-

вой, спасаясь от жары. Пробормотав ещё что-то про засуху и про то, что, если так пойдёт, урожай будет курам на смех, она снова взялась за работу. Под её тонкими, ловкими пальцами желтоватое тесто покладисто принимало разную форму. Оно сильно пахло огурцами. На вопрос Саши «Почему?» тётя добродушно пояснила:

— Так это ж плюшки на рассоле! Мама, поди, такие не стряпает?

Саша знала, что ответить:

— В этом мире я уже всё видала. Кроме лепёшек на рассоле. Но мне и без них нормально.

— От оно как! — рассмеялась тётя. Смех у неё был тихий и даже немного робкий. — К четырнадцати-то годкам её уж ничем не удивить! Мне вот пятый десяток стукнул, а я, считай, ничего и не видала.

— Это потому, что вам в город надо переехать, — не очень вежливо сказала Саша и вылезла из-за стола, с шумом отодвинув тарелку. Кругляши запечённого картофеля остались нетронутыми. Есть совсем не хотелось, а ещё было душно, и слипались глаза. Ночью на новом месте спалось ужасно, а под утро Саше приснился план побега домой. От него, правда, пришлось отказаться.

— Мне надо пост выложить и с мамой поговорить, а тут связь не ловит, — пробормотала она.

«Зря я так с тётей, она вроде милая. И не виновата, что на неё свалили заботу о племяннице».

— Поговорить? Вчера ж только приехала. Соскучилась уже? — Тётя ласково улыбнулась, и не подумав обидеться. — Чтоб позвонить, тебе на Большой холм сходить надо. Он за деревней. Далеко только не забегай. И ты б это... переделась и волосики в косу прибрала. Деткам, поди, неудобно так. Да и жарко. Может, подрезать?

«Подрезать! Ага!» Миролюбивый настрой тут же исчез. Саша гордилась своими волосами: чёрными, гладкими и очень блестящими, как у мамы. Упрямо выставив подбородок и забыв сказать спасибо, она подошла к тяжёлой двери, ведущей из кухни в полутёмные сени. С трудом открыв её, попала в холодную деревянную пристройку с притоптанным земляным полом, на котором даже не оставалось следов, и одинокой лампочкой под низким потолком. Спустилась по небольшой лесенке, миновала препятствия в виде граблей, лопат, корзин и прочей садово-огородной утвари.

Как только открылась дощатая входная дверь, на Сашу обрушился удушливый зной: оказывается, в доме было намного прохладнее. Она злобно пнула кочку, заросшую густой травой, и тут же в ужасе уставилась на коричнево-зелёную полосу на белом носке кеда. Попытки оттереть её пальцем сделали только хуже, потому что полоса превратилась в безобразную кляксу.

— Не-е-ет! — простонала Саша, убирая с глаз влажные от пота пряди. — «Наверное, лучше их всё-таки заплести. Хотя бы в хвост. Не хочу вернуться в школу лысой».

Сейчас она меньше всего понимала восторг папы, когда тот рассказывал о Мерешице. Каждый раз при этом он становился похож на довольного мальчишку: «Я провёл там всё детство. Местечко-то хоть и нелегко отыскать на картах, но оно — настоящее спасение для уставшей души».

«Такое себе спасение, если честно...» Саша обиженно надула губы, потом совсем по-взрослому фыркнула, подражая Авроре. От воспоминаний о старшей сестре на душе стало ещё тяжелее. В носу неприятно защипало, а серо-голубые глаза Саши наполнились слезами. «Авке хорошо, осталась в институтском общежитии с друзьями! Обещала писать каждый день и всё-всё рассказывать, но ведь в этом захолустье совсем нет интернета! Нужно тащиться на край деревни до какого-то там холма!»

А холмов здесь было как высоток в Москве — тьма. Пологие, крутые, похожие на настоящие горы, все они уступали тому самому, который местные жители по праву называли Большим. До него ещё предстояло добраться.

Поднявшись по очередной шербоатой дорожке, Саша перевела дух и огляделась: справа и слева, точно приклеившись к покатым травяным бокам, высились кособокие каракули деревянных крыш. Они уже не могли защитить останки своих домов ни от дождя, ни от солнца. Кругом не было ни души, хотя Сашины смарты показывали половину первого. Морща аккуратно вздёрнутый носик и щурясь от слепящего солнца, она просто стояла и крутила головой. Большой холм, свобод-

ный от прогнивших заброшек, теперь загораживал горизонт. Весь он так густо зарос травой, что казался огромным пушистым зверем, задремавшим от полуденного зноя. Дуновения тёплого ветерка гнали по его изумрудной «шерсти» тысячи волн, в которых пестрели маленькие головки белых и голубых цветов. Стоило признать, это было довольно красиво.

Справа, за полем, прячась за порослью камышей и осоки, поблёскивала гладь реки. Саша рассмотрела что-то похожее на узкий мостик. После него дорожка бежала дальше и терялась в сумраке деревьев — вряд ли по такой проедешь. Тётя сказала, что продукты, лекарства и посылки в саму Мерещицу доставлять невозможно. Разве что жители привозят что-нибудь поездом. И раз в неделю приезжает машина и останавливается в четырёх километрах, у поворота в деревеньку. Жители добираются до неё сами: через мостик, по лесу и обратно.

Полчища огромных вековых деревьев обступали Мерещицу со всех сторон. Даже сейчас, в яркий солнечный день начала лета, все вместе они выглядели мрачной угрюмой стеной.

Саша посмотрела налево. Прикрыв глаза ладонью, она разглядела ещё одну дорожку, такую же песчаную и неровную. Саша знала, что это путь до крохотной, неухоженной железнодорожной станции, потому как сама вчера прошла по нему, приехав в Мерещицу на поезде.

Наверное, деревенька совсем бы исчезла, если бы не эта

станция. Дядя Женя рассказал за ужином, что старые пути не забросили из-за железнодорожной стрелки. Её до сих пор вручную переключал станционный смотритель — местный житель, которому помогали жена и сыновья-близнецы. Такое вот семейное дело. По этим железнодорожным путям утром и вечером ходила электричка, а раз в сутки — товарный поезд. Рельсы переводили именно для него, потому что в соседней деревне недавно начали добывать щебень. Раньше карьер был и в самой Мерещице. Но теперь на его месте образовалось озеро. Внезапно. За одну ночь. Несмотря на бедствие, рабочие и их семьи из деревни уезжать отказались. Кое-кто из них добирался до нового карьера на поезде. Станционный смотритель неизменно день за днём переводил стрелки на рельсах. Чем занимались другие жители, для Саши было загадкой. Из вчерашнего разговора она узнала, что детей в Мерещице осталось совсем мало. Те, что были постарше, ездили в школу на электричке.

«Такой жизни никому не пожелаешь. Это как зайти в тупик в игре, в которой даже сохранение не спасёт: вся беда в том, что ты просто снова и снова бродишь по давно пройденной карте».

Саша прошла уже, наверное, километра два и за всё это время не увидела ни соседей, ни коров, ни лошадей. А ведь это деревня! В ней должны быть коровы и лошади! И кто-нибудь из людей должен был уже встретиться на пути. Но даже кошки и собаки не попадались на глаза.

Саша громко охнула: на колено сел гигантский кузнечик. Длинное тонкое тело, тысяча ног... Ужасно захотелось завопить и запрыгать на месте, но Саша прикусила губу: «Сейчас бы Авка захохотала в голос и назвала трусихой».

Взгляд упал на любимую белую футболку и новые джинсовые шорты, купленные перед отъездом из города. А вот и повод по-настоящему разрыдаться: непонятно откуда взявшиеся чёрно-зелёные разводы безнадёжно испортили одежду.

Но, как говорится, слезами делу не поможешь. Большой холм был уже совсем близко, и стоило поторопиться, чтобы не расплавиться по дороге. Ветерок немного усилился, но жара не собиралась ослаблять хватку. «Как же хочется пить!» Рюкзак остался дома, а с ним и бутылка воды. Саша зря так быстро выскочила на улицу... На душе стало противно и тоскливо. Вина теперь ощущалась как самый тяжёлый из рюкзаков. «Приду домой — обязательно попрошу у тёти прощения».

Преодолев несколько узких улочек, Саша удручённо посмотрела на Большой холм, на который ещё предстояло взобраться. Воздух застыл, в ушах зазвенела тишина. Её нарушало только жужжание насекомых, изредка пролетающих совсем рядом с лицом и норовивших запутаться в волосах. Но по-настоящему неуютно было от останков брошенных деревянных домов, что остались позади. Многие из них совсем покосились и стояли без стёкол. Можно было спиной почув-

ствовать тяжёлый взгляд пустых оконных проёмов.

Сейчас главное — добраться до нужного места и позволить родителям или сестре, чтобы они поскорее забрали её из этого ужасного места. Она так и не поняла, за что её сюда сослали. Просто всё сложилось одно к одному: родители получили редкую возможность повышения, а все родственники, будто сговорившись, оказались заняты своими делами. «Вот ведь невезение! Хотя больше похоже на вселенский сговор...»

Саша бегом спустилась с холма, перескакивая высокую, щекочущую ноги траву. При каждом приземлении в воздух поднимались миллионы возмущённых насекомых. Она даже несколько раз пробормотала: «Простите» и «Я нечаянно», в надежде, что ей не начнут мстить за внезапное вторжение. Ведь это был их, насекомых, дом, а не её. Она была здесь чужая: не знала правил, которые есть в любом месте!

Добравшись до Большого холма, Саша осмотрелась в поисках дороги: не взбираться же наверх, цепляясь за жуткие, торчавшие во все стороны стебли, мало ли кто на них может сидеть! Передёрнув плечами и потыкав в безжизненный экран часов, грустно вздохнула:

— Как и сказала тётя, связи ноль.

Дорожка, тоненькая и неровная, каких было много в Мерещице, отыскалась между двумя неприветливыми колючими кустами: посреди океана зелени эти растения выглядели как обнажившиеся кости на теле невиданного чудовища.

Пробраться между ними, не коснувшись и не разорвав одежду, оказалось настоящим испытанием.

До вершины холма оставалось не больше пары метров, когда Саша вдруг замерла на месте и прислушалась: сверху доносились обрывки голосов. Ветер, дувший здесь сильнее, чем внизу, искажал их, но Саша поняла, что разговор был совсем не мирным. Она пригнулась и крадучись начала подбираться к источнику звуков. Дорожка закончилась такой же парой неприветливых, безжизненных кустов, торчавших из густой тёмно-зелёной травы. Их Саша и выбрала своим укрытием.

На Большом холме творилось что-то непостижимое. Трое мальчишек надвигались стеной на хрупкую светловолосую девочку. Вернее сказать, двое из них, очень похожие друг на друга, рослые и рыжеволосые, размахивали увесистыми палками. Постепенно, шаг за шагом, они приближались к девочке. Третий же, высокий и худощавый мальчик с вьющейся светло-русой чёлкой, падающей на лоб, оставался на месте, по-хозяйски сложив руки на груди. На его лице застыло мрачное выражение.

Саша охнула и прикрыла рот. Это лицо она узнает всегда и везде. Костя Решетов потянулся, расправляя плечи, и повелительно крикнул в спины товарищей:

— Семён, Митяй, ну чего вы там возитесь? С девчонкой мелкой справиться не можете?

Саша с отвращением поморщилась: «Всегда такой. В любом месте набирает себе верных слуг для грязной работы, а

сам спокойно наблюдает со стороны». Саша знала Костю по школе. Проучившись с ним всего один год, Саша успела понять, что он за человек. Друзей у Кости не было, одни прихлебатели. Потому что он привык покупать внимание окружающих всякими модными дорогими штучками. Вот и сейчас на одном из его «друзей» красовалась явно новая футболка, которую он вряд ли купил бы в таком захолустье, как эта деревенька. Рыжие волосы второго торчали во все стороны из-под новенькой белой кепки. Однажды в школе Костя подошёл к Саше при одноклассниках и, нагло подмигнув, заявил в лицо: «Оденься поприличнее, пойдёшь со мной вечером гулять». Многие девочки решили, что это классный комплимент, но Саша разозлилась и ответила, что лучше сроду на улицу больше не выйдет, чем пройдёт рядом с таким, как он. С тех пор ей часто доставалось от Решетова, пока его семья не переехала в другой город. Действовал он жестоко и по-хитрому, всегда через кого-то, но Саша понимала, кто и за что ей мстит. И вот теперь он здесь, собственной персоной, за сотни километров от цивилизации!

— Проваливай отсюда! Не поняла, что ли? — заорал на светловолосую девочку один из близнецов.

— Да она ненормальная! — Голос у его брата оказался выше и ещё противнее. — Посмотрите на неё, она ж ведьма!

— Не неси чушь, — холодно бросил Костя.

Рыжий в кепке уже подошёл к девочке настолько, что легко мог достать до неё палкой, которую показательно пере-

кладывал из руки в руку. Сердце Саши замерло. Она была уверена, что девочка сейчас заплачет, убежит, сделает хоть что-нибудь, но та вела себя неестественно спокойно. Можно было подумать, что она совсем не боится. Накручивая на тонкий белый пальчик прядь волос, она смотрела прямо себе под ноги. Будто глубоко о чём-то задумалась.

— Уснула, что ли?! — завопил парень. — Вот тебе!

В тот момент, когда он замахнулся своим страшным оружием, Саша не выдержала. Ей показалось, что Костя тоже кинулся к беззащитной девочке.

— Не смей! — взвизгнула Саша и выскочила из своего укрытия, изрядно напугав разошедшихся хулиганов. Лицо, руки и ноги мгновенно зажгло от царапин, но Саша не обратила на них внимания.

— Я полицию вызову! — угрожающе добавила она, не совсем, правда, понимая, как можно в Мерещице хоть кого-то вызвать. Но попробовать стоило. «Только бы поверили!»

В первую секунду повисло молчание. Успев заметить, что девочка повернулась в её сторону, Саша смело встала между ней и хулиганами. Братья, ошарашенно таращась на нового участника событий, отступили назад и пристроились по обеим сторонам от своего предводителя. Костя, поборов секундное удивление, неприятно рассмеялся:

— Не верю своим глазам: Санёк-пенёк! Ты меня преследуешь, что ли? Я понимаю, любовь и всё такое, но уж тащиться за мной на край света?!

Лицо Саши вспыхнуло от негодования. Продолжая прикрывать девочку спиной, она пыталась придумать, что делать дальше. «Может, закричать? Решетов, конечно, заноза, но в драку не полезет. А вот близнецы...»

Тот из братьев, который в кепке, неожиданно громко заржал, будто до него только что дошёл смысл её слов:

— Кого позовёшь? Полицию? У нас за неё дядя Петя, и он тебя хворостиной отлупит, если разбудишь.

— Влюбилась! — глупо захихикал второй братец, косясь на Костю.

Тот решительно прервал разговоры, выступив вперёд. Держался он спокойно и, как всегда, очень раздражающе. С первой встречи в школе Саша решила, что Костя пусть и симпатичный, но какой-то скользкий. За год, что они не виделись, он совсем не изменился. Небрежно сунув руки в карманы модных чёрных джинсов, Костя окинул Сашу взглядом блестящих зелёных глаз, холодных и надменных. На его худом лице застыла непроницаемая маска.

— Вот что. Мы пришли на холм первыми. Эта девочка не понимает, когда ей говорят уйти.

Слова прозвучали так мерзко, что Саша встрепенулась. Краска с новой силой залила лицо. Даже уши зажгло.

— А все прям обязаны тебя слушаться, да?! Тоже мне нашёлся командир! Обижать маленьких — это... это...

— Это она-то маленькая?! — вытаращив и без того круглые глаза, неожиданно завопил близнец в кепке. — Да она

старше нас! Просто выглядит как ребёнок! Дочь ведьмы!

Если бы Саша слышала эти слова где-нибудь в Москве, она бы, конечно, закатила глаза и сказала что-то вроде: «Сказки не рассказывай!» или «Ты смеёшься, что-ли?». Но здесь, в полузаброшенной деревеньке, которую вот-вот грозился сожрать дремучий лес, а разрушенные дома таращились глазами чёрных окон, эти слова прозвучали как-то совсем не смешно.

Костя вымученно покачал головой и бросил через плечо:

— Митяй, заткнись, а!

— Как есть говорю! — не унимался Митяй. — Бабка-бубня легенду знает и песню всем поёт!

Он внезапно замолчал. С его широкого лица мгновенно сошли все краски, и оно стало похожим на луну. В дрожащем июньском воздухе, пронизанном предзакатными лучами солнца, звучала красивая и отчего-то жуткая песня. Трое мальчишек вытянули шеи, стараясь заглянуть за Сашу и посмотреть на худенькую светловолосую девочку. Близнецы были не на шутку перепуганы. Костя сохранил спокойствие, но его чёрные глаза расширились от удивления. Саша с трудом сглотнула и медленно повернулась к той, которую так отчаянно защищала. Девочка тихонько пела себе под нос. Она продолжала смотреть вниз, на свои ноги, обутые в старенькие, потрёпанные сандалии. В коротких волосах запутались золотистые блики, и каждая кудряшка светилась, трепетала, горела белоснежным пламенем, делая свою хозяйку похожей

на свечку. Тонкий, высокий голосок вибрировал и дрожал. Слов сначала было не разобрать, а потом Саша чётко услышала:

«Что тебе мерещится в сумрачном лесу?

Грезится да плещется. Сгинешь — не спасу.

Скрылось солнце в омуте. Отворилась дверь:

Что было схоронено — пред тобой теперь...»

— А-А-А! Замолчи, ведьма! — дико завопил Митяй.

Отбросив палку, он обогнул Костю и брата и бросился к кустам, скрывавшим тропинку. Ту самую, по которой пришла Саша.

С воем прорвавшись сквозь колючки, Митяй оступился, упал и кубарем покатился с холма. Через пару секунд к нему присоединился его брат. Костя молча посмотрел вслед своей удравшей свите. Лицо его стало ещё бледнее, чем обычно. Откашлявшись, он повернулся к Саше и твёрдо произнёс:

— Веселись тут, если хочешь, а я пойду. И вот что: завтра наша очередь быть на холме. Только попробуйте прийти!

Голос предательски дрогнул в конце фразы. Отвернувшись, Костя гордой походкой проследовал к кустам. Постоял перед ними немного, будто решаясь, потом осторожно полез вперёд, стараясь не порвать одежду. Саше пришло на ум, что близнецы, наверняка, обычно раздвигали перед своим предводителем опасные ветки. Но зазнайка внезапно остался один, и ему пришлось самому решать эту проблему.

Когда Костя тоже скрылся из виду, Саша нехотя поверну-

лась к новой знакомой. Девочка больше не пела. Она смотрела не под ноги, а куда-то вдаль. Её глаза оказались совершенно удивительными, ярко-голубыми и блестящими, а ресницы и брови были такими же светлыми и почти прозрачными, как волосы. Теперь Саша поняла, что девочке на самом деле больше лет, чем она подумала вначале: они, скорее всего, ровесницы. Просто новая знакомая была почти на голову ниже и тоненькая, будто травинка. Платье, поношенное, грязно-серого цвета, печально болталось на худых плечах. Свободные рукава закрывали белые руки до угловатых локтей. Кожа была совсем бесцветной. На почти бесцветных губах застыла полуулыбка.

Саша отчего-то поёжилась. Она никогда не встречала таких странных людей. Было в её новой знакомой нечто удивительное и немного пугающее, но злой и коварной ведьмой она точно не казалась.

— Я Саша, а как тебя зовут? — вежливо поинтересовалась Саша, стараясь не показать волнения.

Но светловолосая девочка не собиралась отвечать на вопрос. Она молча двинулась в сторону, противоположную той, в которую ушли мальчики.

«Там, наверное, тоже есть тропинка», — подумала Саша.

Она продолжала молча смотреть вслед девочке, не придумав, что делать дальше. Но у самого края холма та вдруг остановилась и обернулась. Взгляд её был по-прежнему направлен куда-то вдаль. И тут Саша поняла: «Она ведь хочет,

чтобы я пошла за ней! Ла-а-адно. Хуже ведь не будет?» И Саша, ещё пару секунд поколебавшись, пошла за своей хрупкой проводницей.

Солнце потихоньку спускалось к горизонту. Разогретый воздух разбавила вечерняя прохлада. Внезапно запахло так вкусно и сладко, что Саша не могла надышаться. Мерещица ожила. Продремав весь день, лесная деревенька очнулась и принялась кружить вокруг Саши хором звуков и запахов. Будто говорила: «Сейчас я тебе покажу, какая я на самом деле! Такого ты ещё не видела». Лес, окружавший Мерещицу со всех сторон, сделался из тёмно-зелёного нереально золотым и наполнился пением птиц. В этом нестройном, но великолепном хоре Саша узнала трель соловья.

Жёлтая дорожка под ногами всё время петляла, норовя сбросить идущих в густую траву, которой заросли её обочины. Саша старалась не упускать из виду проворную фигурку. Девочка бежала вниз с холма так легко, будто её ноги совсем не касались земли. Самой же себе Саша казалась неуклюжим бегемотом. Вообще, она была неплохой спортсменкой и всегда получала пятёрки по физкультуре. Только вот с момента приезда в Мерещицу Саша постоянно ощущала себя неловко и неуверенно.

«Свечка» спустилась с холма и заторопилась по узкой, всего в пару метров шириной, улочке. Сумерки не сгушались — казалось, они просто вылились с неба на ничего не подозревавшую деревню. Закатные всполохи, что недавно

золотили всё вокруг, быстро вытеснили длинные коварные тени. Саша с трудом рассмотрела впереди стволы деревьев — здесь улица тоже уходила в лес. Боясь потерять девочку из виду, Саша ускорила шаг. Слева возвышался ряд густых лапистых елей, справа ютились останки вросших в землю домов. Хотелось поскорее убраться куда подальше, чтобы спрятаться от ужасного чувства вины перед этими брошенными деревянными существами.

Стало заметно прохладнее. Голые руки и ноги Саши покрылись мурашками. Она зябко поёжилась.

Беловолосая фигурка юркнула вправо и скрылась в одном из домов. Когда Саша, задыхаясь от волнения, подбежала ближе, она скорее почувствовала, чем увидела, что этот старый дом неуловимо отличался от своих безжизненных соседей. Да, его бревенчатые стены потемнели, в старинных рамах поблёскивали прямоугольники мутных стёкол, а дверь, спрятавшаяся в глубине ветхого крылечка, облупилась и покосилась на больших петлях. Но, несмотря ни на что, дом этот оберегала любовь. Она упорно защищала и стены, и тех, кто жил за ними.

Внезапно в носу у Саши защипало. Она часто захлопала ресницами, стараясь прогнать неизвестно откуда взявшиеся слёзы. Стало до боли грустно. Дом дяди и тёти, у которых она сейчас гостила, был совсем не таким. За ним следили и ухаживали, а этот домик постепенно увядал вместе со своим хозяином.

Вот на крылечке вновь показалась светловолосая девочка. Теперь её платье почти полностью скрыла большая серая шаль. Следом, опираясь на толстую, сучковатую палку, вышел седовласый бородатый старичок. И снова Саша чуть не расплакалась: дедушка выглядел очень худым и слабым, его руки и ноги дрожали, а под серой свободной рубахой торчали угловатые плечи. Белая борода и длинные усы почти скрывали морщинистое лицо.

Дедушка приветливо помахал Саше рукой, а потом погладил по голове внуку. Она наконец перестала смотреть под ноги и подняла на него взгляд.

— Это кого ты к нам привела, Свечка? — Голос у дедушки был хриплым и глубоким, а ещё очень добрым.

Саша опешила.

— Свечка? Её так зовут?

— Свечка она и есть. — Он улыбнулся, и его бледное лицо стало ещё более морщинистым. — Разве не похожа?

— Похожа, — кивнула Саша, а затем вспомнила о хороших манерах. — Ой, здравствуйте. Меня Саша зовут.

— Ну что ж, очень приятно, Сашенька. А я дед Захар. Ты откуда ж у нас взялась?

— Вчера приехала. На электричке. На два месяца здесь. Дед Захар пригладил бороду.

— Эт хорошо, эт ладно, Сашенька. Только вот что: ты к нам завтра приходи, а сейчас поспешай до дому. Ишь, какой туман с лесу подкрадывается?

Саша огляделась и, не удержавшись, вскрикнула: уже почти стемнело, а со стороны леса, которым заканчивалась улица, действительно напоззали бело-серые ключья тумана. Ближайшие к деревьям дома уже скрылись в жутковатой пелене и теперь напоминали силуэты невиданных, многоруких и многоглавых монстров. У Саши предательски застучали зубы.

Неожиданно и молча к ней подошла Свечка. Не поднимая глаз, она стянула с себя шаль и накинула Саше на плечи.

Дед Захар, поглаживая бороду, указал в сторону Большого холма.

— Ступай той же дорогой, по которой вы со Свечкой пришли, Сашенька. Да на холм не ходи. Обогни его по левой стороне, там тропинка есть. По ней прямо и ступай. Она хоть и петляет, но к дому тебя выведет. Не переживай, туман ты обгонишь. Только с тропинки, смотри, не сходи.

— Спасибо, — только и смогла пробормотать Саша.

Поплотнее запахнув шаль, она заторопилась в обратный путь. Большой холм рос и надвигался на неё устрашающей громадиной, сзади догонял туман. Сильно пахло сырой землёй.

«И соловья не слышно... Или он в тумане не поёт? Даже лягушки и сверчки молчат! Но ведь ночью в деревне, тем более в лесной, не должно быть тихо, разве нет?» Саше вспомнились её поездки в спортивный лагерь, который был построен прямо в лесу: там и птицы пели, и насекомые жуж-

жали! Особенно комары. Но Мерещицу всю поглотил этот ужасный туман.

Саша прикусила губу. Ей показалось... Ну, конечно, такое могло только показаться: сзади донёлся странный звук. Будто кто-то принялся неразборчиво шептать! Теперь Саша почти бежала. Она была очень благодарна Свечке за шаль. Мягкая тёплая ткань согревала и придавала уверенности, стала настоящими доспехами.

«Только не смотреть по сторонам! Только не смотреть!»

Холмы, низины, деревья — всё постепенно тонуло в чернильной темноте. Даже воздух стал вязким и тяжёлым. Саша откинула за спину волосы и с ужасом поняла, что на них невесомой влагой осел туман — он всё-таки догонял её!

Вот и Большой холм! Дед Захар велел не взбираться на него, а обойти.

С огромным облегчением Саша отыскала среди чёрного океана травы светлую змейку тропинки. Она огибала холм и убегала влево, снова теряясь из виду. Захотелось броситься по ней без оглядки, но Саша сдержалась и осторожно пошла вперёд, боясь оступиться. Слева раскинулось поле. Саша только искоса взглянула на него и сразу же об этом пожалела. Туман! Он был и здесь, правда, не такой густой, как тот, что наползал из леса. Всё поле будто светилось нереальным призрачным светом, хотя небо уже потемнело. Закатные краски растворились вместе с последними лучами солнца. Саша не смогла понять, как яркий летний день так быст-

ро превратился в хмурый поздний вечер?!

«Наверное, виновата эта странная погода».

Теперь в вязком воздухе отчётливо улавливался речной запах. Саша остановилась и постаралась сориентироваться. «Если по левую руку — река с её узким деревянным мостиком, значит, дом дяди и тёти совсем рядом! Осталось взобраться на ещё один невысокий холм и проскочить последнюю улицу».

Но тропинка не пошла вверх, а снова обогнула холм, выведя Сашу к очередному ряду полуразрушенных домов. «И почему я не заметила эту тропинку днём? Сократила бы дорогу до Большого холма, — с досадой подумала Саша, оценивая расстояние. — Нужно поскорее пройти мимо этих деревянных страшилищ, а там — поворот на улицу с фонарями».

С каждым шагом сердце всё больше разгонялось в груди. Нужно было спешить — клочья тумана клубились уже у самых ног, полумрак сменился непроглядной темнотой. И только тропинка под ногами будто светилась, облегчая путь. Шёпот, который, казалось, издавал сам туман, стал громче и настойчивее. От этого стало так страшно, что Саша чуть не расплакалась. Очень хотелось к маме, папе и Авроре. Они сейчас далеко и не знают, какого ей...

Шаг, ещё один... До поворота на улицу с фонарями оставалось не больше двух метров, туманную дымку под ногами уже разбавлял зыбкий желтоватый свет... как вдруг что-то

ринулось под ноги! Саша вскрикнула и чуть не упала. Замерев на месте и вцепившись ледяными руками в шаль, она оторопело уставилась в чернильную пропасть одной из деревянных развалин. Спустя пару секунд то, что так сильно напугало Сашу, показалось снова: длинный тонкий хвост, два заострённых ушка и сверкнувшие в темноте блестящие зелёные глаза!

— Кошка, — пробормотала Саша, испытав огромное облегчение.

Хвостатая, вальяжно потянувшись, подошла ближе и принялась вылизывать переднюю лапу, но разобрать цвет шерсти было сложно. Саша решила, что, скорее всего, серая. Животное совсем не боялось тумана, хотя он скрывал его почти полностью: только часть спинки и тонкий хвост торчали над ним поднятым перископом.

— Бу-бу-бу... — неожиданно раздалось откуда-то слева.

Саша охнула и повернулась на странный звук. Из тени завалившегося на бок дома, опираясь на узловатую палку и шаркая ногами, вышла согнутая пополам фигура. При ходьбе она покачивалась, кряхтела и издавала жуткие, леденящие кровь звуки. Старуха!

— Что было схоронено, пред тобой теперь... — проскрипело в звенящей тишине.

Это было последнее, что услышала Саша перед тем, как её охватил панический ужас. Она развернулась и со всех ног бросилась прочь. За пару секунд добежав до конца прокля-

той улицы, Саша на полной скорости свернула за угол, ворвалась в рассеянный желтоватый свет и в два прыжка преодолела расстояние до дома дяди и тёти. Дёрнув на себя дощатую дверь, она влетела в тёмные сени, что-то задела, и оно с грохотом свалилось ей под ноги. Саша, перескочив через препятствие и три покатые деревянные ступени, повисла на тяжёлой, обитой мягким материалом двери. Та со скрипом поддалась, и Саша ввалилась в залитую светом кухню.

Тётя Лида застыла, привалившись спиной к печке и прижав к груди руки. Её лицо было очень бледным. По полу растекалась лужа молока, и валялось множество коричневых черепков — всё, что осталось от глиняного кувшина.

— Батюшки... — только и смогла произнести тётя. Её руки безвольно упали на подол тёмно-синего сарафана, подвзанного цветастым передником. — Сашенька...

Саша не смогла сказать ни слова. Потом, много позже, она представила, что в тот момент подумала бедная тётя, когда Саша предстала перед ней в таком виде: глаза полны ужаса, волосы всклокочены, лицо, руки и ноги в царапинах и ссадинах, а на плечах чужая шаль!

«Здрассте, вот и ваша племянница!»

Тётя бросилась к ней, причитая и шмыгая носом.

— Ох, милая, где ж ты пропадала?! Дядя твой искать тебя пошёл.

— Я... я его не видела, — запинаясь, прошептала Саша.

— Я была на Большом холме, а там Свечка и мальчишки, а

потом дедушка, а потом кошка и монстр-старушка, и бу-бу-бу...

Слова прозвучали бессвязно. Тётя Лида внезапно сделалась очень серьёзной. Сначала она внимательно рассмотрела Сашино лицо, потом ловким движением стянула с неё шаль. Саше показалось, что тётя прячет от неё глаза. Поправив козынку и опустившись на колени, она принялась собирать черепки.

— Сейчас ранки твои обработаем. Ты ручки помой в умывальнике, пирожок со стола возьми да молочка налей себе вон из той банки.

Саша сняла кеды, ставшие из белых зелёно-коричневыми, и пошла выполнять указания.

Когда раны были обработаны, волосы подсушены, а пирожки съедены, Саша шмыгнула в отведённую ей комнату и щёлкнула чёрным рычажком старинного круглого выключателя. Под низким деревянным потолком висел небольшой круглый плафон, белый и с цветочками. Вкрученная в него лампочка наполнила комнату тёплым светом. Симпатичные ситцевые занавески на единственном окошке скрывали старую деревянную раму и черноту улицы. Саша облегчённо вздохнула. Справа, прижимаясь к стене высокой резной спинкой, стояла кровать. Постельное бельё — белое в мелкий коричнево-жёлтый цветочек. У противоположной стены — невысокий двустворчатый деревянный шкаф, а рядом с ним, у самого окна, — письменный стол и стул. На по-

лу лежал длинный полосатый коврик. Вчера убранство комнаты показалось безнадежно устаревшим и скучным, но теперь Саша осмотрела комнатку с огромной благодарностью. «Так тепло, светло и уютно!»

Она уже переоделась в пижаму, причесалась, погасила свет и нырнула под одеяло, когда вдруг скрипнула тяжёлая входная дверь. Саша прислушалась: из кухни, которую отделял от комнаты короткий коридорчик, доносились приглушённые голоса. Померещилось, она произнесли её имя. Вновь пришлось вылезать из-под одеяла. Пробравшись на цыпочках к двери, Саша осторожно потянула её на себя. Показались тёмный коридор и часть кухни. Тётя стояла у печки, а дядя, по всей видимости, сидел за столом.

— Я объяснил Антону и Наталье, что не стоит привозить девочку. Но мы же с тобой знали, что это может быть ОНА, — дядя старался говорить тихо, но его бас всё равно звучал раскатами грома.

Стол и сидящего за ним дядю скрывала часть коридорной стены, но Саша ясно представила огромные руки, пышные усы пшеничного цвета и хмуро сдвинутые к переносице брови.

— Но у них просто не было другого выхода!

Тётя всплеснула руками, отвернулась к печке, сняла с неё ещё одну пузатую стеклянную банку с молоком и отнесла к столу.

— Мерещица — не место для ночных прогулок! А ребён-

ку этого не объяснить. Что, если она с этой самой Свечкой дружбу водить додумается?

— Уже додумалась, — тихо сказала тётя.

Дядя тяжело поднялся из-за стола. Табуретка жалобно скрипнула. Саша испугалась, что сейчас он рассердится и начнёт кричать. Но, показавшись в поле зрения, он подошёл к жене и нежно поцеловал её в щёку.

— Ладно уж. Не об этом сейчас переживать надо. Приладим нашу Сашу к хозяйству, пусть помогает. А вечером — пораньше спать. Вот и всех делов.

Саша отодвинулась от двери, прикрыла её, на ощупь вернулась к кровати и вновь залезла под одеяло.

Только сейчас она вспомнила, что не позвонила маме... Вот уж нет. Теперь она точно не уедет. То заставили приехать, то теперь ведут себя странно... Да и с самой деревней что-то не так. Но вот что?



Стояла такая тишина, что Саша никак не могла заснуть. Виновата в этом была, конечно, не только странная мерещицкая ночь, но и приключения минувшего дня. Большой холм, Свечка и её дедушка, противные близнецы с палками и Костя Решетов... И как только он попал сюда, в Мерещицу, и почему именно сейчас? Это же шанс на миллион — обоим приехать в гости к родственникам в деревню посреди дремучего леса!

«Интересно, а где дома Кости и близнецов? Тут же всего пара улиц жилых, а на остальных дома совсем старые и заброшенные».

Саша повозилась под одеялом. Внутри неё ворочалось какое-то смутное беспокойство: всё здесь было не так. Шепчущий туман, светящаяся тропинка, злобная старушка — это, конечно, игра воображения. Когда ты оказываешься в незнакомом месте, особенно в лесу, да ещё ночью, и не такого напридумываешь!

Саша села, уставившись в противоположную бревенчатую стену.

«Я вышла из дома примерно в час дня. Помню, как тётя позвала меня на обед и я посмотрела на часы. Идти до Большого холма не больше пятнадцати минут. Дальше я помогла Свечке, пошла за ней, поговорила с её дедушкой. Это тоже не больше часа. Тогда как вечер мог наступить так быстро? А сразу за ним — ночь? Такого же не бывает. Или бывает?»

Саша посмотрела на наручные часы, ткнула кнопочку сбоку и нахмурилась. Экран остался тёмным.

«Неужели сели? Странно, обычно держат зарядку дней по шесть-семь».

Комната была погружена в темноту. Светлым пятном оставалось только окно, но почему-то смотреть на него не хотелось. Свет от ближайшего фонаря, установленного прямо напротив дома, лучше всего освещал три кухонных окошка и небольшое деревянное крыльцо. Окно Сашиной комнаты выходило на узкую боковую улочку. Днём, когда занавески были раздвинуты, Саша хорошо разглядела заросли кустов с маленькими белыми цветочками и стену соседского заброшенного дома, которую почти скрывали гибкие тонкие побеги вьюна. Ту стену, которую Саша могла увидеть из окна, почти скрывали гибкие тонкие побеги вьюна. От этого казалось, что на дом повесили зелёный, трепещущий на ветру ковёр.

Саша продолжала сидеть на кровати, поджав ноги и грубо задумавшись. Она скучала по Москве и родным, по интернет-блогу и друзьям, но в душе начинало разгораться уже знакомое чувство. То самое, которое не даёт тебе нормально подумать. И ты просто мчишься вперёд — навстречу приключениям и неразгаданным тайнам. В Мерещице творились странные дела, или Саша это придумала, но она ни за что не захотела бы сейчас уехать.

«Завтра дойду до дома Свечки, поговорю с ней и с её

дедушкой. Только обязательно нужно следить за временем! Сколько ночей, интересно, будет приходить туман? Надо завтра спросить у тёти».

Дзынь!

Саша встрепелулась и настороженно прислушалась.

Тук! Дзынь!

Звук раздавался за окном, задёрнутым ситцем. Повторяющийся, глухой, словно об землю раз за разом ударялось что-то твёрдое. И при каждом ударе — звон. Будто встряхивали мешок, полный жестяных банок. По боковой улице, на которую выходило окно Сашиной комнаты, двигалось нечто.

Против воли Саша спустила ноги с кровати, не сводя взгляда с окна. Приблизилась к столу, обошла его сбоку. Увидела, как собственная рука, бледная и дрожащая, потянулась к занавеске. Пальцы коснулись тонкой ткани, ухватили её за край, потянули вправо. Глазам открылся прямоугольник старой деревянной рамы. Стекло, толстое и со странными волнами на поверхности, искажало улицу. Всё вокруг плавало в тумане. Он был таким плотным, что скрыл стену соседнего дома.

«Тук! Дзынь! Тук! Дзынь!» — послышалось ещё ближе.

По дороге скакала жуткая человеческая фигура, дёргаясь и шатаясь из стороны в сторону. Вместо единственной ноги — длинная палка. На широких плечах болталась огромная круглая голова с нахлобученной на неё шляпой. Одежда — лохмотья, рваные и грязные. Пришитые к ним жестяные

банки грохотали при каждом движении.

Через пару секунд одноногая фигура поравнялась с окном. Огромная голова дёрнулась в его сторону, затем плечи. Существо ещё раз подпрыгнуло, громыхнув жестянками, и развернулось. Саша встретилась взглядом с круглыми глазами-пуговицами. Рот — кривая линия чёрных стежков — изогнулся в ухмылке.

Крик застрял в горле. Саша отпрянула от окна, споткнулась о край прикроватного коврика и чуть не упала. Подскочив к двери, рванула её на себя. Оказавшись в коридоре, Саша бросилась на кухню. И тут же поняла, что единственная комната в доме, что по ночам освещалась фонарём, тоже погрузилась во тьму.

«О нет! Почему так темно?!»

Уютная кухня вмиг стала похожа на западню: печь в углу казалась гигантским монстром, окна — омутами с застывшей чернильной водой. Не осталось даже привычных запахов, приятных и тёплых. Всё поглотила мерещицкая ночь.

Саша так бы и стояла на пороге, слушая грохот собственного сердца, но за столом, придвинутым к самому окну, задвигалась ещё одна тень. Послышался щелчок. Крохотное пламя зажигалки осветило мощную руку с закатанным до локтя рукавом. Потом поднялось выше, и Саша увидела широкую бородатую челюсть и пышные усы.

— Чего не спишь, Саша? — пробасил дядя, внимательно рассматривая племянницу.

Саша только открыла и закрыла рот, так и не сумев найти слов. Тем временем дядя опустил зажигалку, и совсем скоро огонёк раздвоился: потихоньку разгорелась толстая жёлтая свеча, вставленная в старинный подсвечник с витой ручкой. По потолку и стенам протянулись длинные неровные тени. Запахло воском. Щёлкнула, закрывшись, зажигалка.

— В окне кого-то увидела? — продолжил спокойно дядя, оперевшись ладонями о стол и глядя на Сашу поверх дрожащего огонька.

— Нет, — почему-то соврала она, хотя и считала ложь недостойным занятием для воспитанного человека.

— Пришло время зажигать свечи, — задумчиво произнёс дядя, помолчал немного, а потом грустно повторил: — Пришло.

Откашлявшись, он подвинул подсвечник на середину стола.

— Беги в кровать, Саша. Теперь мы под защитой.

Саша прикусила губу: «Под защитой? Что всё это значит? Дядя точно что-то знает!» Она хотела сказать всё это вслух, но только коротко кивнула и выскочила из кухни. Прошлёпав босыми ступнями по деревянному полу коридора, скользнула в комнату. Плотно закрыла дверь и шмыгнула в кровать. Ещё не успев натянуть одеяло до макушки, заметила, что одна из занавесок по-прежнему отодвинута, открывая взгляду часть деревянной рамы и уличную тьму.

«Надо встать... задвинуть занавеску». Но Саша так на это

и не решилась. Свершувшись калачиком, она ещё пару минут пыталась унять дрожь, и не заметила, как забылась беспокойным сном.

Проснулась Саша от приглушённых звуков, доносившихся из кухни. Видимо, тётя готовила завтрак: к запаху деревянных стен и утренней свежести примешался невообразимо прекрасный аромат выпечки. Живот призывно заурчал.

Сквозь отдёргнутую занавеску сочился тусклый серый свет. В комнате царил полумрак. Часы на руке вновь исправно работали и показывали шесть утра. Сон испарился безвозвратно. Саша лежала, рассматривая затейливый рисунок на потолочных досках.

«Приснилось или нет? Нет. Точно не приснилось. Потом я встретила дядю, и он зажёл свечу. Зачем? Что всё это значит?» За пару дней, что Саша прожила в Мерещице, с ней произошло столько странностей, сколько не случилось за все четырнадцать лет жизни.

Урчание в животе стало настойчивее, пришлось вылезти из-под одеяла. Подойдя к окну, Саша осторожно выглянула на улицу. Ничего страшного не происходило. Просто хмурый день. Точнее, раннее утро. Всё снаружи выглядело замершим и притаившимся. На листьях кустарника, что рос под окном, блестели капли росы. Белые цветы уже раскрылись, и Саше показалось, что сквозь стекло сочится их сладкий аромат. Зелень кустов, травы, выюнка на стене соседнего дома будто светилась в прохладной рассветной дымке. Небо

было серым: солнце не смогло разогнать тучи, но его лучи сделали их более светлыми и разреженными. Земля была тёмной и влажной.

Быстренько заправив кровать, Саша немного покопалась на полках большого деревянного шкафа: в итоге выбрала удобные джинсы, чёрную футболку и утеплённую серую кофту с капюшоном — свою любимую. Переодевшись, задумчиво постучала пальцем по подбородку. Кивнула собственным мыслям и полезла в рюкзак, висевший на деревянной спинке стула. К счастью, в одном из кармашков обнаружилась резинка для волос. Саша не часто их использовала, только на соревнованиях по бегу, но теперь нужно быть готовой ко всему, а распущенные волосы...

«А к чему я вообще готовлюсь? Подумаешь, один кошмар! И что?!»

Но она всё-таки собрала волосы в хвост на затылке. Критично оглядев себя в большое, мутноватое зеркало, встроенное в дверцу шкафа, Саша вышла из комнаты. Проскочив мимо добротных сколоченных стеллажей и этажерок, жавшихся друг к другу в тёмном коридоре, она вошла на кухню. Тётя стояла к Саше спиной и что-то энергично замешивала. Судя по запаху солёных огурцов, завтрак должны были дополнить плюшки на рассоле. Как выяснилось, дядя их обо-жал.

В погасшей печи, от которой ещё исходил сухой жар, стоял чугунный горшок. Занавески были отдернуты, и через от-

крытые окна проникал прохладный воздух раннего утра. В дальних уголках кухни собрались тени. На столе стоял приземистый подсвечник с витой ручкой. Свеча в нём погасла. Саше вспомнился ночной разговор с дядей и его слова о том, что пора зажигать свечи.

Должно быть, тётя что-то услышала: она вздрогнула и обернулась. Её лицо и руки вновь были перепачканы мукой. Жёлтый цвет сарафана и косынки только подчеркнул бледность худощавого лица. Саша даже испугалась.

— Проснулась, Сашенька? — голос тёти прозвучал слабо и неуверенно. — По субботам дядя твой на работу не ездит. Он пошёл проверить... ммм... всё ли хорошо. Сейчас воротится, и завтракать сядем.

Саше показалось, что тётя не хочет встречаться с ней взглядом. Руки, лежавшие на переднике, подрагивали, а пальцы неловко переплетались. Тётя явно старалась скрыть волнение, но выходило не очень.

— Доброе утро, — ответила Саша. Пройдя к столу, она уселась на один из стульев и тут же поёжилась от порыва ветра.

— Ой, милая, окошко-то закрой! Простудишься! — Тётя была рада сменить тему. Она кивнула на развевавшиеся занавески. — Я-то побоялась, что жарко от печи будет. Но уж и не будет... жарко.

Саша потянулась через стол, поочерёдно закрыла створки и повернула вниз деревянную ручку. Зябкое утро осталось

снаружи, но теплее не стало. И куда вдруг подевалось лето?!
— Подсоби-ка мне с плюшками, Сашенька... Вот ведь как хорошо с прибранными волосами! Сразу и не мешает ничего.

Продолжая бормотать, тётя вытерла руки о передник и вытащила из печки пузатый горшок. Запахло молочной кашей.

— Молочко-то дядя твой принёс от соседей. Они поспели до машины за продуктами, слава Богу. Надежда сыновей отправляла. А муж-то всё ейный на станции сидит, пути переводит. Он у ней станционный смотритель.

Рассказывая это, тётя показала Саше, как замешивать тесто, и та уже погрузила в него пальцы, но вдруг застыла.

— Двое сыновей? А они рыжие?

— Ага, рыженькие. А уж как похожи друг на друга, прям не отличишь!

Саша поморщилась:

— Так они наши соседи?

— Дак мы тут все соседи. — Тётя слабо улыбнулась. — Токма две улицы и жилые: наша да та, что её пересекает. Остальные заброшены.

Саша хотела напомнить, что есть ещё домик Свечки и её дедушки, практически у самого леса, но решила промолчать и принялась вымешивать тесто так, как показала тётя. На ощупь оно оказалось тёплым, приятным и легко принимало новую форму. Только жутко пахло солёными огурцами.

— А почему вы не переезжаете? Поехали бы с нами. В

большом городе всегда можно найти работу. Ну или, если не хотите в город, есть же другие деревни!

Саша не думала говорить всё это, но слова сами как-то сорвались с языка. Не дождавшись ответа, она обеспокоенно повернулась к тётё. Та стояла возле печки с прихваткой в руках, устремив невидящий взгляд прямо перед собой. В нём читались печаль, волнение и какая-то странная самоотверженность. Будто, живя в Мерешице, они с дядей совершали какой-то подвиг, а она, Саша, не могла этого понять.

— Здесь жизни наши переплетены. И нет для нас иной судьбы... — пробормотала тётя Лида.

В этот момент в сенях слышались шаги. Тётя, встреपёнувшись, засуетилась, забегала по кухне. Вскоре дверь открылась и на пороге появился дядя. В душе у Саши неприятно кольнуло, и она уставилась на жёлтый шарик теста. Скинув грубые ботинки, на подошвы которых налипли куски грязи, и закатав рукава тёмно-зелёной рубахи выше локтей, дядя прошёл к столу. Уселся на свободный стул и громко откашлялся. Густые светлые брови дяди почти сошлись на переносице, вокруг глаз и рта залегли глубокие морщины. Волосы торчали во все стороны, будто дядя долго бежал против ветра.

Тётя забрала у Саши большую разделочную доску с лежавшим на ней кругляшом теста.

— Спасибо, милая! Разложи-ка кашу вот этим черпачком по тарелочкам. Только сперва ручки ополосни. Вот-вот. Мо-

лодец какая.

Тётя продолжала болтать и суетиться. Дядя молчал и хмурился.

Саша выполнила все указания и уселась напротив дяди. От чашек поднимался сладковатый пар. Каша оказалась пшённой и очень вкусной. Мама тоже часто варила по утрам каши, но эта была просто изумительной.

«Наверное, дело в печке и горшке», — подумала Саша, дунув на ложку, полную желтоватых крупинок, и аккуратно отправила её в рот.

— Электричку уже можно не ждать, — неожиданно сказал дядя.

Самые обычные слова произвели совершенно неожиданный эффект: тётя выронила деревянную ложку, и та гулко ударилась о доски пола.

— Но ведь только начало июня... — пролепетала тётя. Её лицо сделалось из бледного совершенно белым. Она вцепилась в край передника.

— Знаю, Лида. Знаю.

— Но ведь мы ждали Андрея... Чтобы он... Чтобы он Сашеньку забрал.

Саша в недоумении переводила взгляд с тёти на дядю и обратно.

«О чём они говорят? Дядя Андрей должен приехать за мной только в конце июля. И почему меня хотят отправить обратно? И почему больше не приедет электричка?»

Ещё вчера утром Саша мечтала поскорее убраться из Мерещицы, вернуться в любимую Москву к друзьям и нормальному интернету. А ещё лучше: как можно быстрее полететь к родителям в Африку. Но на то, чтобы её просто отослали, ничего не объяснив, она точно была не согласна!

Саша уже открыла рот, чтобы восстановить справедливость, как раздался стук в дверь. Из-за того, что все три окна кухни и крыльцо выходили на одну сторону, прозвучал он резко и неожиданно. Палисадников и калиток в Мерещице Саша не увидела. Как и сторожевых собак. Каждый мог подойти к входной двери.

«Кстати, а ведь я вообще собак на улицах не видела! И кошек тоже. А, нет! Одну точно видела. Когда чуть в обморок от страха не упала!»

Дядя встал, с грохотом отодвинув стул. Пройдя тяжёлым шагом по кухне, скрылся за дверью. Минут через пять он вернулся.

— Саша, доедай побыстрее. К тебе там пришли.

Тётя встревоженно охнула, и дядя поспешно добавил:

— Парнишка какой-то. Сказал, что одноклассник.

Саша поперхнулась кашей. Она хотела сразу броситься узнавать, чего от неё понадобилось Решетову. Но под хмурым взглядом дяди поняла, что просто так её из-за стола не выпустят. Пришлось доедать. Спешно проглотив остатки каши, она заметалась в поисках своих кедов — на полосатом коврике возле двери их не оказалось.

— Ботиночки свои ищешь, Сашенька? — подала голос тётя, увидев, как Саша беспомощно кружится возле двери. — Я их состирнула. Уж больно запачкались. Вон калошки возьми, пока обувка сохнет.

«Предстать перед Решетовым в калошах?! Да вы издеваетесь?!»

Саша вспыхнула до корней волос. Такие, как Костя, будут подобное до конца жизни припоминать! Но делать нечего. Саша сняла с приземистой обувницы самые маленькие калоши, что нашла. Поморщившись, она сунула в жуткую обувь ноги в белых носочках.

«Ну, вперёд! К своему позору!»

Когда Саша, хмурая и пунцовая от смущения, появилась на крыльце, она обнаружила Костю за вполне свойственным ему занятием: парень с усердием оттирал левый рукав своей кофты от невидимой грязи. Услышав, как открылась дверь, он поднял глаза. Саша вцепилась в дверную ручку, ожидая чего-то очень мерзкого в духе Кости Решетова. Но парень, казалось, и не собирался ёрничать по поводу калош. Он только показательно выпрямился, сунул руки в карманы и прошёлся до крыльца своей фирменной «походкой победителя». Саша хотела наброситься на бывшего одноклассника с вопросами: «Не видел ли он что-нибудь подозрительное ночью?», но её опередили.

— Ты вообще чего в Мерещице забыла? — прозвучало вместо приветствия.

Когда Костя подошёл к самым ступенькам, Саша поняла, что выглядит он так, будто спал этой ночью ещё хуже, чем она: длинная чёлка торчала во все стороны, лицо было непривычно бледным, а глаза покрасневшими.

— Ты не заболел? Выглядишь просто ужасно.

— На себя посмотри, — огрызнулся Костя и тут же стал самым собой: надменным, презрительным и совершенно невыносимым. — Вообще, я вопрос тебе задал.

— Ну ты и... — Саша задыхнулась от негодования. — У тебя забыла спросить! Ходишь тут, выпендриваешься! Ты так никогда друзей не найдёшь!

— Мне и одному хорошо, — процедил сквозь зубы Костя. — Никто под ногами не крутится.

— А как же близнецы? — Саша сложила руки на груди. — Зачем с ними ходишь?

— Это они со мной ходят!

Как раз в этот момент из-за угла дальнего дома, грустной почерневшей развалины, показались две огненноголовые фигуры: Митяй и Семён о чём-то оживлённо спорили. Заметив Сашу и Костю, они дружно замахали руками.

— Братишка! — заголосил Митяй, сорвав с головы кепку и приветливо ей размахивая — А мы тебя ищем!

Саша удивлённо уставилась на Костю.

— Братишка?

— Двоюродный, — буркнул он в ответ.

Подойдя ближе, близнецы дружелюбно улыбнулись Саше.

Она коротко кивнула. Всё-таки они вчера хотели обидеть Свечку, и доверия им не было.

— Отец с матушкой ночью разговаривали, а мы подслушали, да, Костян? Всё, приплыли, — неожиданно сменив тему, сообщил Семён. Его новенькая чёрная футболка резко контрастировала со старыми поношенными штанами.

— Нам всем конец, — ещё радостнее подхватил второй близнец, стащив с растрёпанных волос белую кепку. Подкинув её пару раз, ловко подхватил и водрузил обратно на голову. — Туман пришёл раньше. Не тот, что обычно приходит, а другой, особенный.

Костя презрительно фыркнул. Саша нахмурилась:

— Это вы о чём вообще? Почему особенный?

— Ну конечно, девчонки обожают верить во всю эту сказочную ерунду, — встрял в беседу Костя. — Вы ещё скажите, что тут по улицам лешие с бабой Ягой бродят!

Саша поёжилась, вспомнив ночной кошмар: ожившее пугало, заглянувшее в её окно. Глаза-пуговицы, рот из ниток... «Тут бродит кое-кто пострашнее».

— Мы вот не верим, — закивал Митяй. Приосанившись, он покосился на Костю, ожидая одобрения. — Взрослые это всё выдумывают.

— Ну не зна-а-аю, мы ж втроём слышали: такое раньше каждый год повторялось. На солнцестояние, Рождество, а ещё иногда весной и осенью, — пробормотал Семён. — Было не по себе. Отец вон сегодня на станцию не пошёл. Ма-

тушка расстроенная. И нам велят от дома не отходить.

— А вы чего же гуляете, раз вам запретили? — спросила Саша.

— Так а вон дом-то наш, да, Костян? Через три от твоего.

— Мне вообще никто ничего не запретит.

Костя горделиво вскинул подбородок.

— А вы, значит, все вместе живёте? — Саша отчего-то обрадовалась, что Костя живёт с ней по-соседству. Какая-никакая связь с прежней, нормальной жизнью.

— Ага! Костян к нам каждые каникулы приезжает.

Костя бросил на Семёна хмурый взгляд, и он так покраснел, что пунцовая краска даже скрыла веснушки.

Саша осторожно, чтобы не обидеть, поинтересовалась:

— Вы так похожи. Кто из вас кто?

Тот близнец, что носил кепку, заулыбался.

— Я Митяй. По кепке пока запомни. А вообще, мы разные совсем.

— А если ты кепку брату отдашь?

— Чего?! Обойдётся!

Все, кроме Митяя, рассмеялись. Саша даже забыла, что злилась на близнецов. «Они вроде нормальные, добрые. Но, конечно, на слабых налетать — последнее дело».

— А вы зачем вчера Свечку обижали?

Все трое мальчишек принялись хором возмущаться:

— Да никто её не трогал! Она странная и похожа на ведьму! Сама везде лезет!

Одно из окошек справа открылось, из него показалась тётиня голова.

— Сашенька, вы чего раскричались?! Давай-ка домой вертайся, подсоби по хозяйству.

Саша вздохнула: её точно решили загрузить работой, чтобы никуда не выходила. Костя неприятно оскалился.

— Уборка-готовка зовут, Санёк-пенёк. Иди, пока тебя в угол не поставили.

— Придурок, — огрызнулась Саша и уже собралась уйти, когда к ней подскочил Митяй.

Склонившись к самому её уху, он прошептал:

— Пошли с нами сегодня ночью искать, откуда туман приходит? Мы к твоему окошку придём и сигнал подадим.

И не успела Саша ответить, он соскочил со ступенек, и все трое мальчишек бросились наперегонки по улице, толкаясь и подначивая друг друга.

Следующие часов пять Саше предстояло выполнить миллион дел по дому и огороду: она помогла тёте приготовить обед, подмела и смахнула пыль в своей комнате, а потом отправилась с дядей на огород «спасать культуру от сорняков». Для этого занятия ей выдали старые штаны, которые она натянула прямо поверх джинсов. От поношенной куртки Саша наотрез отказалась. Зато за матерчатые перчатки была очень благодарна. Сорняки выглядели просто ужасно. Дядя расправлялся с ними быстро и легко, тихонько посмеиваясь в усы и подбадривая, но от этого легче не становилось. При-

ходилось хватать вредоносную траву за прочные, иногда колючие стебли и тянуть, тянуть. Пока не показывались длинные спутанные корни.

Дойдя по меже до границы участка, огороженной рядом заострённых сверху досок, Саша обвела взглядом мерещицкие просторы. Виды открывались впечатляющие: тёмной бездвижной полосой на деревню, сейчас хмурую и неприветливую, наступал лес. Отсюда же виднелись Большой холм, поле и бегущая за ним река, которую родня называла Сонницей. А ещё дальше — часть улицы, на которой жила Свечка.

Саша стояла, опершись на забор и вглядываясь в застывшую даль. Было тепло, но порывы ветра пробирались под одежду, заставляя вздрагивать и ёжиться.

— Пошли домой, племяшка, — услышала она за спиной дядины слова. — Поработали, пора бы и подкрепиться. Тётя твоя нас вкусно накормит.

И дядя неспешно направился к дому, прихватив с собой садовые инструменты. Саша стянула перепачканные землёй перчатки и уже собралась пойти за ним, как что-то привлекло её внимание. На самой границе дальнего поля, сопротивляясь нападению стаи ворон, стояла странная фигура: высокая и широкоплечая. Ветер трепал длинную чёрную одежду. На непропорционально большой голове желтела шляпа.

Саша в ужасе отступила от забора.

«Это же... Это же...»

Даже мысленно закончить фразу оказалось сложно. Ра-

зум и тело парализовал страх. Саша просто стояла и смотрела, как пугало чёрным маяком возвышалось над тёмно-зелёным травяным ковром. Стая огромных ворон раз за разом пикировала на своего молчаливого противника, но, не долетая совсем чуть-чуть, снова поднималась в воздух. Страх постепенно отступил, но на его место неожиданно пришла какая-то неясная, необъяснимая тоска. На глаза навернулись слёзы.

Не в силах больше смотреть на печальное сражение, Саша обрела способность двигаться и побежала к дому. Заскочила в заднюю дверь и оказалась в сенях. Теперь их освещала одинокая лампочка, болтавшаяся на проводе под низким бревенчатым потолком.

Стянув трясущимися руками испачканные штаны, Саша перекинула их через перила лестницы, ведущей к внутренней двери. Утерев слёзы, вошла на кухню.

Тётя и дядя сидели за столом и тихонько разговаривали. Они оба повернулись на звук открывшейся двери.

«Какая тётя Лида печальная! Она такая маленькая и хрупкая. Хорошо, что у неё есть дядя Женя».

Повисла слишком долгая и тяжёлая тишина. Дядя показательно бодро откашлялся и поднялся из-за стола.

— Ну, чего пригорюнились?! Сейчас я вас развеселю.

Он прошагал по кухне и скрылся в коридоре. Через пару минут вернулся с древним, как мир, кассетным магнитофоном и поставил его на стол, сдвинув приготовленные для

обеда тарелки. Саша, усевшись напротив тёти, с удивлением уставилась на раритет. «А он точно работает?»

— Сейча-а-ас. Музыка-то, она для чего? Чтобы мысли на правильный лад настраивать. Вот мы сейчас и настроим! — в предвкушении потерев ладони, провозгласил дядя.

Зашелестел и захрипел старенький прямоугольный аппарат, ловя обрывки далёкой радиоволны. Дядя извлёк из кармана рубашки кассету и вставил её в один из двух подкасетников. На удивление музыкальная запись зазвучала вполне неплохо. Она была какой-то таинственной и совершенно необычной. Саша такую музыку не слушала, но ей понравилось стремление дяди развеселить и подбодрить семью. Тётя слабо улыбнулась, и на её бледные щёки даже вернулся лёгкий румянец. Дядя стал пританцовывать и подпевать.

Я же своей рукою сердце своё прикрою.

Можешь лететь и не бояться больше ничего...

Саша не совсем поняла всего смысла, заключённого в тексте, но ей представился сказочный, таинственный мир, в котором герои боролись за то, что любили. Прямо сейчас её дядя стал самым настоящим героем. Он изо всех сил боролся с чем-то невидимым, но очень опасным, что собиралось с силами за стенами дома и готовилось обрушиться на его семью.

Припев повторился снова, и они уже все втроём распевали его, поддавшись волшебству мгновения. Кухня погрузилась в полумрак. Тени выползли из углов и начали сливаться

воедино, поглощая пространство и время. К тому моменту, когда музыка замолчала, стало почти темно.

«Ну вот опять! — подумала Саша. — Снова я не заметила, когда наступила темнота».

Дядя приобнял тётю за плечи и легонько встряхнул. Со словами: «Ну, накорми нас, Лидонька» убрал магнитофон. Прежде чем встать и отправиться к печке, тётя зажгла свечу на столе. Саша удивлённо моргнула и покосилась на старенький рычажок выключателя рядом с дверью.

— Давайте я включу свет?

Тётя вздохнула, а дядя деловитым голосом сообщил:

— Предлагаю сэкономить на электричестве и устроить пару ужинов при свечах. Пошли-ка, племяшка, раздобудем ещё огоньку.

— Ох, как же мы не подумали заранее свечей припасти?!

— сокрушённо воскликнула тётя им вслед.

— Так кто ж знал, что всё так рано начнётся? Ещё ж только начало июня, а... — дядя запнулся, перехватив взволнованный взгляд жены. — Ладно, племяшка, достань-ка чудо техники и посвети мне.

С этими словами он отправился в короткий коридор, погруженный в полумрак. Саша вытащила из кармана джинсов телефон и включила фонарик. Следом за дядей она прошла мимо комнат и шкафов, заставленных книгами, ящиками и баночками, и остановилась у глухой стены, к которой была приставлена крепкая деревянная лестница. Дядя ловко под-

нялся по ней на три или четыре ступеньки и протянул вверх обе руки. Вскоре послышался лязг и скрип петель. Невидимая до этого квадратная дверца медленно подавалась вверх, открыв вход на чердак.

— Поднимайся за мной, племяшка. — Дядя забрал у Саши телефон, скрылся в тёмном проёме, а затем свесился вниз, светя фонариком. — Только крепче за лестницу держись.

Перебирая руками по гладкому, отполированному дереву, Саша осторожно поднялась по перекладинам. Вскоре её голова показалась над проёмом, и дядя помог ей залезть, подтянув за подмышки.

Тусклый свет, лившийся из крохотного окошка, и свет фонарика помогли Саше разглядеть силуэты полок, заваленных всякой всячиной, несколько больших сундуков, груды табуреток, небольшой стол, приваленный столешницей к стене, и ещё что-то, напоминавшее изголовье кровати и накрытое простынями. Воздух на чердаке оказался затхлым. В лучах света летали, искрясь, пылинки.

— Т-а-ак, где-то тут у нас припасены свечи. — сказал Дядя и вернул Саше телефон. — А ну-ка, посвети вот сюда.

Распахнув одну из больших деревянных корзин, он радостно воскликнул:

— Вот и припасы. Давай-ка ещё отыщем парочку подсвечников.

Осторожно взяв один из толстых восковых столбиков, дя-

дя поджёг фитиль зажигалкой и направился к следующему шкафу.

— Глянь-ка в сундуках. Должны быть не заперты.

Саша потянула за увесистую петлю, вмурованную в крышку старинного деревянного ящика. Та поддавалась без особых усилий, и Саша присела на корточки, чтобы получше разглядеть содержимое. Ничего похожего на подсвечники там не было, но под грудой старого тряпья нашлись несколько потрепанных журналов и блокнот в красивом кожаном переплёте.

— Это тётини вещи? — заинтересованно спросила Саша.

— Кажется, эти сундуки принадлежали старым владельцам, — отозвался дядя, роясь на полках.

— Так до вас здесь кто-то жил? — Саше и в голову не пришло, что дом строили не её родственники.

— Жила одна старушка, да как тяжело ей со здоровьем стало, её сын к себе забрал. Мы с твоей тётей как раз в ту пору на добыче щебня работали. В Околице, куда электричка ходит. Потом добычу прямо тут, в Мерещице, наладили. Мы сюда и перебрались, в этот самый домишко. Подлатали его, отстроили. Добычу-то тут потом свернули, а мы так и остались. Нда-а-а...

Саша покрутила в руках блокнот.

— А можно мне его взять? Красивенький такой.

— Отчего ж нельзя? Бери. Против уж некому быть.

Саша сунула блокнот в большой накладной карман-муфту

своей кофты. Потом вместе с дядей они отыскиали несколько подсвечников, старинных и очень красивых. Чашки, куда полагалось устанавливать свечи, были в форме лебедей с изящными железными крыльями. Длинные шеи служили ручками.

Потушив свечу, дядя посветил фонариком на ступеньки, пока Саша спускалась по лестнице, закрыл люк и слез сам.

Вернувшись к тётке, они пообедали, или, скорее, поужинали при свечах. Вернулось навязчивое, смутное беспокойство. Саша вспомнила о приглашении Митяя.

«Интересно, а сколько времени? Неужели ребята и правда собираются куда-то идти ночью?»

Часы вновь ответили безразличием чёрного экрана. Саша хмуро постучала пальцем по дисплею.

— Наверное, у меня сломались часы.

Дядя с тёткой мельком переглянулись.

«А что, если я застряну здесь навсегда? — с ужасом подумала Саша. Неожиданно стало тяжело дышать. — Как, например, связаться с родителями?»

Очень захотелось устроить истерику. Громкую такую, настоящую, как в детстве: с топотом ног и требованиями. Но сразу передумала. «Тётя и так похожа на призрака: бледная, дёрганая. Дядя хмурится, как столетний старик. Старик... Вот, кто смог бы всё объяснить! Он же такой... умудрённый опытом. Пора разобраться, что здесь происходит! Вот только из дома выбраться будет сложновато. Может и правда с

ребятами через окно? Там вроде бы не высоко».

В кухне царило молчание. Дядя пару раз попытался прервать его, но атмосфера, не поддавшись, продолжила сгущаться. Вилки позвякивали об тарелки. На лицах дяди и тёти подрагивали тени. Занавески были плотно задёрнуты, но люди за столом знали, что там, за окном, темнота и туман.

После того, как помогла тёте с посудой и получила пожелание спокойной ночи, Саша отправилась в свою комнату. С собой ей дали один из подсвечников с горящей в нём толстой желтоватой свечой. Её верхушка уже оплыла, на спинке и крылышках «лебедя» кое-где застыли капельки воска. Дрожащий огонёк, как ни странно, быстро и уверенно справился с мраком, поселившимся в комнате. Тени опасливо метнулись по углам и застыли там, боясь вернуться.

Переодеваться в пижаму не хотелось — слишком зябко. Будто старый бревенчатый дом, устав за свой век, стал решето́м, и холод снаружи тут же этим воспользовался.

«Что толку стоять на пороге? — Саша расправила плечи и, храбро прошагав к столу, поставила на него свечку. Огонёк дрогнул. — Ой-ой, только не гасни! Наверное, надо было попросить зажигалку или спички».

Деревянное сиденье стула оказалось неприятно холодным, пришлось даже постелить на него плед. Саша уселась и вытащила из кармана кофты блокнот. Огонёк свечи заплясал на кожаном переплёте, когда-то насыщенного тёмно-коричневого цвета. Теперь он выцвел и покрылся сетью тонких

трещин, но кожа по-прежнему была мягкой и бархатистой. На обложке, в местах, где кожа истончилась, проступали следы старого золотого тиснения — едва различимые завитки. Углы обложки сильно затёрлись. Сбоку страницы удерживала потемневшая застёжка. Саша расстроилась: «Вдруг замок закрыт?» Найти к нему ключ после стольких лет — настоящая проблема. А ломать такую красивую вещь жалко. Но после недолгого сопротивления изогнутая в форме арки застёжка щёлкнула и повернулась на петлях.

Саше показалось, что всё вокруг каким-то невероятным образом изменилось: свеча в кованом лебеде вспыхнула ярче, мрак, жавшийся по углам, лишился своей устрашающей силы, а потемневшие брёвна стен наполнились тёплым сиянием. Страницы блокнота, пожелтевшие от времени, плотные и шероховатые на ощупь, пахли старой бумагой и пылью.

Саша огорчённо вздохнула: почти половину блокнота прочитать оказалось невозможно — выцвели чернила. Саша огорчённо вздохнула: почти половину блокнота прочитать оказалось невозможно — чернила выцвели. Сохранились лишь невнятные загогулилки и чёрточки, но, начиная с середины, слова были вполне различимы:

«Дневник, отчего парни такие дураки твердолобые?!»

Саша хмыкнула: «Действительно!», а потом сообразила: «Так это чей-то дневник? Нельзя читать чужие дневники. Только самые невоспитанные люди так поступают. Но с дру-

гой стороны, я же ищу ответы, чтобы понять, что творится в Мерещице. К тому же дядя сказал, что возражать уже некому. Может, владельца блокнота уже нет в живых?»

«Давеча они снова окружили нас с подружками в поле. Гоготали в голос, галиматью городили. А один — особенно злой. Глазищи зелёные и горят, как у лешего. Собой хорош, ничего не скажешь, но уж ершистый донельзя! Подь, говорит мне, до колодца да подай воды! И чтоб ледяная была, а то жарко...»

Саша насупилась: «Вылитый Решетов!»

«Матушка отчего-то невесёлая ходит, всё на лес посматривает. А давеча беда приключилась: овраг тот, где добычу ведут, за единую ночь потопило. Всё как есть испорчено. И несколько рабочих сгинули. По сей час по лесу их ищут, но боязно, что сгинули они. Староста совет собирал».

Саша вздохнула: «Видимо, это о событиях, когда в Мерещице добычу щебня прекратили. Дядя сказал, что только-только успели её наладить, а тут — катастрофа с затоплением».

«Отчего-то лето и не лето более. Темно да муторно. И начал приходить туман».

Сердце Саши заколотилось, ладони вспотели. «Вот оно! Туман!»

«Маменька печальнее прежнего. Припасы свечей достали. Староста велел не тратить зря: по одной за ночь. Гулять нас более не пускают, сидим, прячемся, как от врага какого.

А мне вот что думается: день с ночью совсем перемешались: токма обед, а глядь, уж и темно стало! Дак ещё, на беду, у нас давеча Белый в лес сбежал. Кликали-кликали, но всё зря. И туман-злыдень бродит...»

Саша прикусила губу. Сейчас она узнаёт, в чём тут дело! Но, перевернув страницу, досадливо охнула — больше не было красивых букв с завитушками, из которых складывались мысли неизвестной девушки. Остались какие-то неясные обрывки фраз, отдельные слова, не связанные друг с другом. А потом только:

«Бу... бу... бубу...»

Саша внезапно ощутила, как всё внутри сжалось в ледяной комок. «Неужели это написал тот же человек? Но что случилось? Бу. Бу... Что мне это напоминает?!»

Саша захлопнула блокнот и оттолкнула от себя, будто сами буквы в нём превратились в полчища монстров.

«Вечер, когда я возвращалась домой. Кошка. Туман. Сгорбленная старческая фигура...»

Тук-тук.

Саша вскочила со стула.

Тук.

Снова тихий стук в окно.

После секундного шока Саша порывисто задула свечу. В нахлынувшей темноте обогнула стол и опасно потянула занавеску. Среди ветвей разросшегося сладко пахнущего кустарника маячили два белых лица. Сначала рассмотреть уда-

лось только их. Потом из густых сумерек вынырнула такая же белая рука и приветливо помахала.

«Вот это да! Мальчики всё-таки решились прийти!»

Помахав в ответ, Саша быстро осмотрела раму. Окно выглядело достаточно большим, чтобы в него пролезть. Запихнув блокнот под подушку, Саша шмыгнула к шкафу.

«Вот откуда мама знала, что я буду бродить ночью в тумане? Настояла же, что нужно взять с собой ветровку с капюшоном!»

Одевшись, Саша вспомнила про обувь. Пришлось прокрасться в кухню. Огонёк свечи еле-еле справлялся с густыми тенями. Дяди в кухне не было, и Саша вздохнула с облегчением. Кеды она найти не смогла, так что пришлось снова брать калоши. Тётя уже отмыла их до зеркального блеска.

Схватив обувь, Саша прошмыгнула обратно в комнату. Обулась и взобралась на стол у окна. Щеколда повернулась достаточно легко и, главное, беззвучно. А вот ставни открылись наружу не сразу — пришлось сдвигать их по миллиметру, потому что дерево рамы раздулось и покрылось большими трещинами. Ставни то и дело грозились заскрипеть, перебудив всю деревню.

Один из близнецов раздвинул ветки, пока второй помогал Саше вылезти из окна. Оказавшись на твёрдой земле, она присмотрелась: тот, кто ещё держал её за руку, — Митяй. Вдруг ей стало понятно, как различать близнецов.

«И не такие уж они одинаковые. Лица-то совсем разные!»

— Потом пообнимаются, — раздался из темноты язвительный голос.

«Ре-е-ешетов», — скривилась Саша, но вслух спросила: — Ребята, что вы задумали?

Близнецы, в застёгнутых до подбородка чёрных кофтах и надвинутых на головы капюшонах, дружно повернулись к своему предводителю. Костя, тоже одетый во всё чёрное, стоял, засунув руки в карманы, и излучал скучающее равнодушие.

— Давайте сначала уберёмся отсюда подальше, — пробормотал он, нахмурившись.

Саша мысленно согласилась: «Тётя с дядей точно будут не в восторге, что я ушла без спроса ночью, да ещё и через окно».

Через пару домов Митяй указал вправо, на высокую крепкую избу. В трёх окнах, отгороженных от внешнего мира стеклом и занавесками, было темно. Лишь в том, что посередине, мерцал желтоватый огонёк свечи.

— Вот наш дом.

Ребята постарались проскочить его как можно скорее и свернули на боковую улицу.

— Это дорога ведёт к Большому холму, — пояснил Семён.

Дальше шли молча. Улица была погружена во тьму, отчего небо казалось светлее всего остального, но смотреть на него не хотелось: по насыщенной матовой лазури рас-

тянулись тонкие серо-чёрные облака таких причудливых и устрашающих форм, что напоминали злобных чудищ. В стылом воздухе длинными клочьями плавал туман. Нос щекотал сильный запах травы и влажной земли, будто совсем недавно прошёл дождь. Стояла тишина, которая незаметно похищала все звуки. Боковая улица оказалась совсем заброшенной. За развалинами домов высился первый ряд огромных сосен. Саша поняла, что напрасно старается услышать мяуканье кошки, или лай собак, или стрёкот ночных насекомых...

— Слишком тихо, — неожиданно озвучил её мысли Семён, идущий слева, между ней и Костей.

Митяй шёл справа.

— Хоть бы кваканье лягушек услышать или лай собак, — задумчиво проговорила Саша. — В деревнях-то их обычно полно.

— Лягушки и правда обычно квакают. А вот собаки, матушка говорит, у нас не приживаются. Только собачонку привезут из соседней деревни, месяц-два поживёт и всё, деется куда-то. С кошками так же, — хмуро сказал Митяй.

— А я видела одну кошку.

— Это, наверное, кошка бабки-бубуны. Серая такая, облезлая, да?

— Ага. — Саша вздрогнула от воспоминаний о неприятной встрече. — Почему тогда она тоже не пропала?

— Кто ж её знает. Может, заговорённая.

— Бред не болтай, — буркнул Костя, выглянув из-за плеча Семёна, — а то я тебя сейчас сам заговорю.

— А ты не указывай людям, — разозлилась Саша.

— Чего защищаешь его? Влюбилась?

Саша уже набрала в лёгкие побольше воздуха, чтобы высказать зазнайке всё, что она о нём думает, как вдруг Семён вскрикнул:

— А вон она, кошка эта!

Все трое уставились туда, куда указывал их приятель. В тени одного из домов-развалюх, в вате тумана что-то замерло, а потом задвигалось снова. Сначала показался длинный тонкий хвост и ушастая макушка, а потом и весь зверёк целиком. Вылизав переднюю лапу и будто только сейчас заметив наблюдателей, кошка сверкнула зелёными глазами, вышла на самую середину улицы и уселась перед ребятами.

— Кис-кис. Пушистик, ты чего здесь одна бродишь? — Саша сделала вперёд несколько осторожных шагов, чтобы ненароком не спугнуть животное.

— Чего ты к ней полезла? А вдруг у неё блохи? — брезгливо заметил ей в спину Костя.

— Это у тебя блохи! — огрызнулась Саша через плечо. — Поэтому ты такой дёрганный.

Кто-то из близнецов весело гоготнул. Кошка ещё пару секунд посмотрела на ребят, потом развернулась и вальяжно двинулась прочь.

— Давайте пойдём за ней? — предложила Саша. — Тем

более, она, кажется, идёт к Большому холму.

— Конечно. Давайте ходить за кошкой. Прекрасная идея, — буркнул Костя, но побрёл за остальными.

Кошка действительно шла на Большой холм. У самого его подножья она обернулась, проверив, идут за ней ребята или нет, а потом начала восхождение. Уже через пару минут все они стояли плечом к плечу и смотрели на Мерещицу, замершую в объятиях бело-серой ваты. Отсюда, с самой высокой точки, стало понятно, насколько густым был туман. Он сделал всё вокруг таким странным, размытым, что реальный мир стал похож на какой-то акварельный набросок в грязно-серых тонах.

Кошка уселась поодаль и снова принялась вылизывать лапы.

— А где находится затопленный карьер? — спросила Саша у Митяя, лицо которого скрывал капюшон куртки.

— Вон там. — Митяй указал на северо-запад. — К нему раньше вела хорошая дорога. По ней на грузовиках привозили добытый щебень и перегружали в вагоны на станции. Там ещё и лесной посёлок был в несколько домов, но теперь он заброшен.

Саша поёжилась. От всего этого веяло мрачной тайной.

— А почему карьер затопило?

— Да кто ж его знает? Отец говорит: «Природа своё забрала», — пробормотал Митяй, потянулся и громко зевнул. — Спать что-то охото.

Семён тут же повторил за братом:

— Да-а-а, вздремнуть бы немного.

— Чего-о-о?! — возмутился Костя. — Какой «вздремнуть»? Чего мы тогда сюда притащились? Хотели же выяснить про туман!

— Да ладно тебе, Костян, — еле ворочая языком, отозвался Семён. — Пару минуток вздремнём, и всё.

Он уселся прямо на траву.

Митяй подошёл к брату и пристроился рядышком, спиной к спине.

Саша запротестовала:

— Вы чего?! Простудитесь же!

— Вот придурки! — прорычал Костя.

Но ответом было только мирное посапывание. Саша растерянно переводила взгляд с близнецов на Костю и обратно.

Раздалось тихое «мяу». Саша с Костей повернулись к кошке. Она подошла совсем близко, потёрлась о руки спящих близнецов, а потом шмыгнула в сторону той тропинки, по которой Свечка провожала Сашу к себе домой. И тут же послышались возня, шипение и яростное мяуканье.

— Ой, что там? — Саша бросилась к месту сражения и скрылась из виду, спустившись по тропе.

— Да ла-а-адно! Вы все с ума посходили, что ли?! Я лично иду домой. А вы тут спите, ловите блохастых котов и...

— А-А-А!

Пронзительный визг Саши заставил Костю замолчать и

ринуться на помощь. Саша сидела чуть в стороне от узкой выходящей дорожки и, придерживая правую ногу за щиколотку, стонала от боли. Её чёрные волосы скрыли лицо.

— Чего с тобой?

— Это всё дурацкие калоши! Ногу, кажется, подвернула,

— всхлипнула Саша. — А может, вообще сломала.

— А чего ты в кусты потащилась?

— Решетов, отстань!

Костя закатил глаза, но пробрался сквозь заросли и потянул Сашу за плечи, чем несказанно её удивил. Она, конечно, не думала, что он бросит её и уйдёт, но чтоб начал помогать... Это что-то новенькое!

— Давай, попробуй встать. Если сломала, то точно стоять не сможешь.

— А ты прямо врач! — съязвила Саша, но всё-таки оперлась на протянутые руки и осторожно поднялась.

Нога сильно ныла, но, кажется, всё обошлось вывихом.

— Надо отвести тебя домой. Семён, Митяй, идите сюда! Ай!

Костя внезапно отпустил Сашины плечи и закрыл лицо руками.

— Да что такое?! Ммм...

— Что случилось? — Саша встревоженно вцепилась в плечо Кости.

Тот продолжал мычать от боли. А затем принялся отчаянно тереть глаза.

— Не знаю... Вдруг глаза заболели. Не вижу ничего.

Саша беспомощно замерла, а потом принялась звать близнецов. Её голос разорвал тишину деревенской ночи, раскатившись по многочисленным холмам:

— Мальчики, идите скорее сюда! Быстрее!

Ответа не последовало.

— Вот ведь придурки! Ладно, пошли, — прошипел Костя.

Идти пришлось гуськом, медленно и очень осторожно. Помогая друг другу, ребята вернулись на вершину Большого холма. К концу восхождения Костя уже почти не отнимал руки от глаз: видимо, они по какой-то непонятной причине всё ещё болели. Саша сделала ещё один шаг и замерла на месте, оцепенев от удивления.

Близнецы больше не дремали, прижавшись друг к другу спинами. Сейчас они стояли лицом к лесу и своим друзьям: две прямые, остолбеневшие фигуры с закрытыми глазами.

Саша почувствовала, как каждый волосок на её теле встал дыбом. Костя, несмотря на боль, испуганно вытаращился на близнецов.

— Эй, хватит! Вообще не смешно. Д-дурацкая шутка, — крикнул он, но так и не дождался ответа.

Тогда он подбежал к братьям и принялся трясти за плечи, но те продолжали стоять каменными изваяниями.

Только сейчас Саша заметила, что по ногам близнецов змейкой взбирался туман. Он почти добрался до колен и был не таким жидким, как тот, что залил Мерещицу, а более

плотным и тягучим.

— Костя... — не узнав собственного голоса, позвала Саша.

— Я вам сейчас обоим наваляю, если будете... будете...

Костя неожиданно отпрянул от друзей и чуть не налетел на Сашу. Вместе они наблюдали, как фигуры братьев полностью охватили белоснежные завитки, сбросив с голов капюшоны курток. Туман запутался в ярко-рыжих волосах, придав им нереальный огненный оттенок.

Пространство между близнецами заполнилось неясным движением. Саша обрела дар речи, завизжала и вцепилась в Костину руку.

И тут он повернулся. На лице, лишённом красок, застыли распахнутые глаза — два бездонных колодца, наполненные чернотой. Саша снова закричала и отшатнулась от монстра, в которого превратился Костя Решетов. Сделав несколько неловких шагов, она упала, по повреждённой ноге разлилась пульсирующая боль. Чудовище в теле её бывшего одноклассника наклонилось, будто силясь рассмотреть, кто находится перед ним. Теперь их лица отделяла всего пара сантиметров. Саша попыталась отползти подальше, но «Костя» вцепился ей в ногу. Брыкаясь и задыхаясь от ужаса, Саша разглядела собственное отражение в застывшей бездне нечеловеческих глаз. Внезапно чернильная пропасть в них подёрнулась туманной дымкой, и глаза «Кости» сделались абсолютно белыми. Он отпустил ногу Саши, выпрямился, повернулся лицом

к лесу и замер.

Саша постаралась встать, скользя трясущимися руками по влажной траве холма. Тело отказывалось подчиняться. Мысли путались. От всего пережитого нахлынула дурнота.

— Как жаль, что мы опоздали. Ты в порядке? — раздалось совсем близко, и на плечо легла чья-то рука.

Всхлипнув, Саша боязливо обернулась, страхась увидеть очередное чудовище, но над ней склонилась молодая девушка. Кажется, ей было лет семнадцать: тонкие черты лица, обрамлённые длинными, совершенно белыми волосами, ясные голубые глаза, в которых ясно читалось беспокойство. От белого платья исходило настоящее сияние. На груди незнакомки висела серебряная подвеска в форме колокольчика. И эта девушка кого-то очень Саше напоминала.

— Вы кто? — прошептала Саша, еле ворочая онемевшим языком.

— Я мерещицкая Свеча.

«Что?! Опять свеча?! Одни свечи в этой Мерещице!»

— Мы недаром здесь все собрались, понимаешь? — продолжала девушка, — Врата и Решето уже выполняют свою миссию. Скоро и мы с тобой исполним свой долг.

— Я ничего не хочу исполнять! Мне нужно домой. Меня ждут тётя и дядя. Они уже меня ищут.

— Нет, не ищут. — Незнакомка замотала головой. — Мерещица сейчас на границе двух сторон. И так будет, пока Врата не закроются. Твои дядя и тётя знали, что так будет.

«Знали? И всё это допустили? Я всё расскажу маме! Я всё расскажу, и меня отсюда заберут уже завтра!»

Саша возмущённо скинула с плеча руку девушки, попыталась встать, но поскользнулась и плюхнулась обратно. В следующую секунду кто-то подхватил её за талию и осторожно, но уверенно поставил на ноги. Она обернулась и уткнулась взглядом в чёрные дырявые лохмотья и желтоватые подвижные пучки соломы, пугающе похожие на руки. Тут и там к одежде высоченного незнакомца были пришиты старые жестяные банки, которые раскачивались и громыхали без единого дуновения ветра. Саша медленно перевела взгляд вверх. Вместо человеческой головы на широких плечах покоился огромный матерчатый шар, а на нём — чёрные круги пуговиц и кривой ряд чёрных стежков. Ожившее огородное пугало! То самое, что заглядывало в её окно!

Саша, забыв о больной ноге, развернулась и бросилась куда глаза глядят. Но уже через несколько шагов налетела на Костю. Или того, кем он стал. Мальчик даже не повернул к ней головы. Двигаясь будто во сне, он непрестанно вглядывался в неровные белёсые сгустки тумана, вырывавшиеся из портала, на границах которого стояли близнецы.

— Гремящий, пора! — раздался из-за спины голос белокурой девушки.

Саша обернулась. Гигантское пугало неуклюже взмахнуло соломенными руками. Дёрнулась, рискуя оторваться, огромная голова. Гремящий взмыл в воздух, приземлился и запры-

гал прочь на своей деревянной ноге-палке.

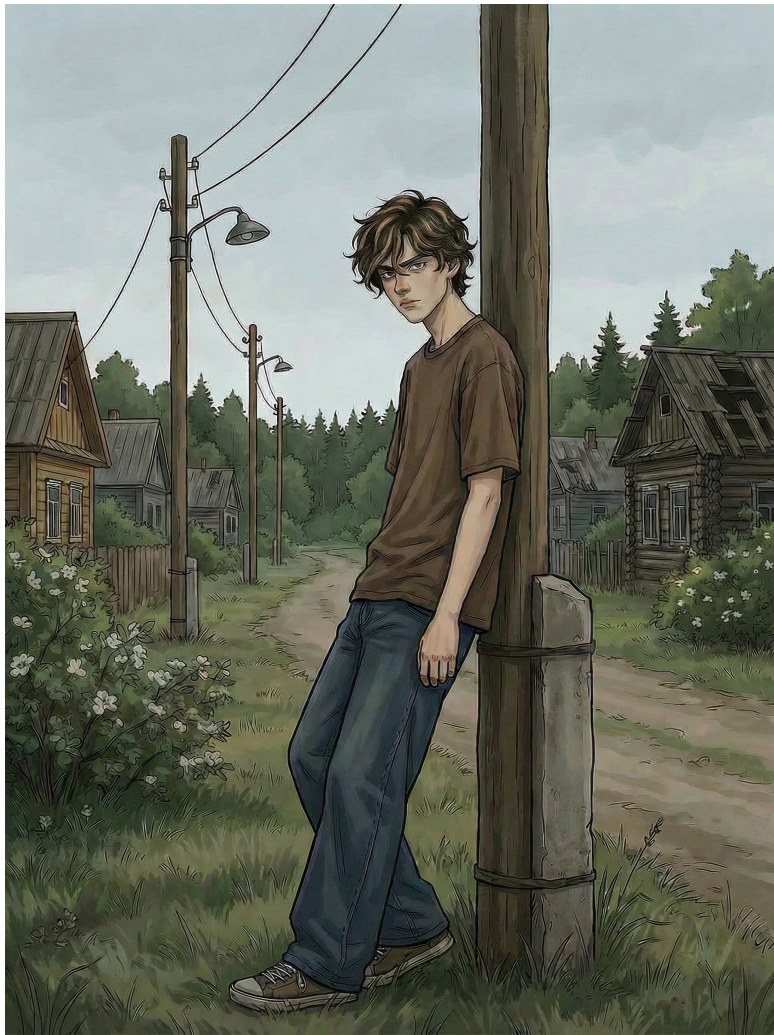
По поляне на вершине Большого холма ходил монстр в облике Кости, в его глазах вновь плескалась чернильная пустота. Гремящий, следя за его взглядом, подскакивал то к одному завихрению жуткого тумана, то к другому, и те растворялись в воздухе, испугавшись грохота жестянок. Кое-где туман успевал принять вид травы, каких-то насекомых, ещё чего-то, принадлежавшего этому миру, будто стараясь остаться незамеченным, но Гремящего было не обмануть.

Саша вдруг поняла, что слышит ещё один звук: тонкое мелодичное позвякивание. К ней подошла девушка в белом платье. Её глаза светились голубым, колокольчик на груди звенел всё громче.

— Я новая мерещицкая Свеча. Мы, ратники, защитим ЭТУ сторону. Главное, что мы здесь все вместе и...

На грудь и плечи Саши навалилась огромная усталость, перед глазами всё поплыло. Она пошатнулась и осела на траву. Мир, обе его стороны, утонули во мраке. Но в ушах ещё долго продолжал звенеть голос:

— Нет, Заря, не оставляй нас! Ты нам очень нужна!



«Почему так жарко?»

В полусне Саша скинула одеяло и перекатилась на спину. На лицо тут же упал луч солнца, а взмокшие от пота волосы прилипли к шее — стало только хуже. Повозилась ещё, но остатки сна растворились в удушливой жаре. Пришлось открыть глаза. По деревянному потолку плясали солнечные зайчики, вокруг абажура с пузатой лампочкой деловито кружила муха...

Разгорячённой щеки коснулся ароматный поток свежего воздуха. Саша повернула голову и удивлённо вскинула брови: окно открыто. Лёгкие ситцевые занавески в жёлто-коричневый цветочек легонько колыхались, создавая какое-то невероятное умиротворение.

Дверь внезапно распахнулась, и в комнату впорхнула тётя Лида, а вместе с ней — ванильно-коричный аромат выпечки.

— А ну, поднимайся скорее, Сашенька! Такое утро нельзя проспать! Молочка тебе парного или компота яблочного? Он хоть и прошлогодний, но... — всё щебетала и щебетала тётя.

На ней был свободный нежно-розовый сарафан без рукавов. Чёрные завитки волос выбились из косы и забавно торпорщились вокруг лица и шеи. От косынки тётя решила сегодня отказаться.

Саша села в кровати. В памяти мелькали обрывки каких-то бессвязных воспоминаний, но их никак не получа-

лось собрать воедино.

— Эй, семья! — В открытом окне показалась голова дяди Жени. В растрёпанных льняных прядях застряли белые лепестки. — Перекусите что-нибудь да с собой покидайте — на рыбалку пойдём. Поспешите токма! В жару рыбу ловить — Водяного смешить!

И дядя скрылся из виду. Тётя весело хихикнула, подбежала к Саше и ласково потрепала по голове.

— Вставай-ка поскорее.

Саша посмотрела на левую руку. Часы вновь отказались включаться.

— А сколько сейчас времени?

— Четверть девятого. Жду тебя на кухне.

И тётя выпорхнула из комнаты. Саша поражённо посмотрела ей вслед. Хотя что её удивляет? Добродушные родственники радуются прекрасному дню. Мирному, тихому, жаркому.

«Жаркому? Значит, погода наладилась, туман исчез. Туман...»

В горле неприятно запершило, а сердце ухнуло куда-то в пятки.

«Ночной побег... Ребята, чудовища, ожившее пугало, де-вушка с белыми волосами...»

Саша вскочила с кровати и заметалась по комнате. Нога, к счастью, уже не болела.

«Надо всё выяснить! Надо бежать на Большой холм! Судя

по поведению взрослых, они ничего не заметили».

Скинув пижаму, она натянула шорты, свободную футболку и носки. Волосы на скорую руку собрала в хвост и, проскочив коридор, забежала на кухню. Тётя тепло улыбнулась:

— Молочко парное на столе. И оладушки. Кушай. Я уж и с собой нам припасла.

— Спасибо.

Умывшись в небольшом настенном умывальнике, Саша села за стол. Подсвечника-лебедя на нём не было.

— А свечку убрали?

Отчего-то этот факт отозвался в душе колючей болью. Тётя как ни в чём не бывало продолжала мыть тарелку.

— Дак и ни к чему сейчас свечи. Как-никак весь денёк светло.

Саша задумчиво кивнула.

«А что, если всё это мне приснилось? Получила солнечный удар? Обязательно нужно найти Костю и близнецов!»

— Давай поспешим, дядя твой нас уже ждался.

Тётя вышла в сени. Саша затолкала в рот остаток оладушка, залпом выпила молоко. Потом ополоснула посуду и уже собралась обуться — кеды высохли и стояли на коврике, ожидая свою владелицу. Но тут она вспомнила кое-что очень важное.

«Нужно проверить. Если он там...»

Проскочив коридор, Саша ворвалась в свою комнату. Сунув руку под подушку, прикусила губу: пальцы коснулись

бархатистой кожи. «Дневник на месте! Значит, приснилось не всё!»

Достав блокнот, она заметалась по комнате. Отчего-то оставлять его без присмотра не захотелось. Немного подумав, Саша положила блокнот в любимый матерчатый рюкзак. За ним последовали полотенце и расчёска.

«Вот так. Если что, можно будет сказать, что решила искупаться, поэтому взяла вещи и... Но почему мне кажется, что дневник нужно прятать?! Бред какой-то. Ладно, потом разберёмся».

Натянув кеды, Саша прошла сквозь сени и толкнула входную деревянную дверь. Погода стояла чудесная. В отличие от дома, успевшего наполниться духотой, снаружи гулял прохладный утренний ветерок. Мимо в удивительном танце пролетела пара жёлтых бабочек. На небе, высоком и голубом, не было ни облачка.

«Может, быстренько сбегать к ребятам?»

— Сашенька! — Из-за угла дома вышла тётя и радостно помахала ей рукой. — Дядя уже ушёл к реке. Бежим договнять.

«Ладно. Вырвусь позже. Или, может, встречу их по дороге».

Вместе они двинулись вдоль по улице. Лицо Саши удивлённо вытянулось, когда им навстречу начали попадаться местные жители. Сначала они с тётей повстречали крупную женщину в необъятном цветастом платье, которая держала

за руку маленькую девочку. Девочка сжимала в свободной ручонке сачок и непрестанно ныла:

— Бабочки! Овить бабочек!

Тётя Лида склонилась к малышке и погладила её по расчёпанной светлой головке. Поболтав с её мамой пару минут и пожелав самого доброго дня, она двинулась дальше. Потом, к ещё большему удивлению Саши, послышался глухой цокот копыт — старенькая чёрная лошадка, поднимая клубы пыли, тащила за собой кособокую телегу. Возничим оказался сморщенный старичок с длиннющими белоснежными усами. Улыбнувшись беззубой улыбкой, он прошамкал:

— Любовь Николавна, доброго денёчка!

Тётя приветливо помахала в ответ.

— Вы за почтой отправились, Порфирий Григорич?

— Надобно доставить, ага.

— Ну, доброй дороги.

Саша слушала и глазела на всё происходящее как во сне.

«Кони? Люди? А вон и корова с телёнком! И собаки с лаем носятся... Ничего не понимаю!»

Ей на плечо легла тёткина рука.

— Ну, чего застыла? Поспешим?

Не дойдя до холма, что был меньшей копией Большого, они свернули вправо. Тропинка запетляла по полю, и Саша не могла не признать: здесь было невероятно красиво, аж дух захватывало! Она ещё никогда не видела столько оттенков зелёного сразу. Просто какое-то салатово-изумрудное вели-

колепие! Ромашки с белыми лепестками и жёлтыми серединками, васильки с яркими синими цветами, розово-белые шапочки клевера и высокие фиолетовые кисти люпинов усеяли травяной ковер, точно бисер. Жизнь была здесь через край: жуки, бабочки, пчёлы, шмели, кузнечики, стрекозы... Саша вдохнула полной грудью: какой же приятный, ни с чем не сравнимый аромат!

Тётя обернулась через плечо и улыбнулась:

— Сейчас прямо к бережку Сонницы и выйдем.

«Тёте так идёт улыбка! Она даже помолодела. И платье это ей очень к лицу. Весёлое такое! С чего я решила, что она беззащитная, вечно паникующая плакса?»

Сонница оказалась небольшой небесно-голубой речушкой. На её спокойной, гладкой поверхности сверкали солнечные блики. Берега поросли высокой травой и гибкими стеблями камыша. Лягушки в них устроили настоящий концерт. Чуть левее через реку перекинулся добротный деревянный мост. Вблизи он выглядел намного крепче, чем с вершины холма. Солнце, дожди и ветры начистили толстые сучковатые перила до зеркального блеска.

Были тут и дощатые мостки на крепких низких столбиках. На этих мостках уже расположился дядя Женя. Он сидел на досках, закатав штанины до колен и свесив загорелые босые ноги в воду. В руках у него была удочка.

Тётя махнула в сторону большого моста.

— Там есть ещё одни мостки, прямо в воду уходят. Они

старенькие, но в том месте мелко. Можно ополоснуться и умыться. Пойдём до них, освежимся?

— Лида, — вдруг тихонько, чтобы не распугать криком рыбу, позвал дядя. — Поди сюда! Токма не поскользнись.

Тётя направилась к мужу, а Саша осталась стоять на пологом берегу одна, любуясь спокойным течением Сонницы.

— Эй!

Тихий резкий шёпот заставил подскочить на месте.

— Кто здесь?

— Я тут, за камышом. Иди сюда скорее!

Позади, в тёмно-зелёных зарослях, мелькнула фигура в белом. Среди стеблей показалась тонкая рука и призывно замахала. Саша обернулась на родственников: они не обращали на неё внимания. Как только она приблизилась к камышам, её тут же схватили за руку и потащили прямо сквозь высокие заросли, вдоль берега реки. Хватка оказалась удивительно сильной: сопротивляться не получалось. Перед глазами мелькали длинные белые волосы. Бежать было тяжело: почва была влажной и скользкой, левое плечо оттягивал рюкзак, а правое запястье ныло от сжимавших его тонких пальцев. В какой-то момент гонка прекратилась. В том месте, где они остановились, один из многочисленных мерещицких холмов нависал над речным берегом, и в его склоне, смотрящем на воду, обнаружилась небольшая пещера. Незнакомка обернулась, и Саша ахнула: девушка с Большого холма, которая назвала себя новой мерещицкой Свечой!

Она забралась под низкий склон и призывно помахала. Саша помялась на месте и полезла следом. Внутри оказалось тесно и очень влажно. Света от входа хватило, чтобы Саша смогла рассмотреть огромные от волнения голубые глаза, белое платье, заляпанное грязью, и серебряный колокольчик на груди.

— Я еле тебя нашла! Они такие хитрые! Как всё придумали, а!

— Что происходит? — прохрипела Саша. В горле у неё пересохло от потрясения и быстрого бега. Она постаралась отодвинуться, но в такой тесноте это оказалось невозможно.

Дрожащими руками девушка заправила за уши белые длинные пряди.

— Помнишь, мы с тобой познакомились на Большом холме? Ты меня ещё от мальчиков защитила? Кстати, я не смогла тебя отблагодарить. Видишь ли, обычно я молчу, но Свет дал мне силы и...

— Свечка выглядит совсем по-другому! — Саша замотала головой, отказываясь верить тому, что слышала.

— На ТОЙ стороне, пока на неё не напал Чужой туман, — да. Но теперь всё перемешалось. Дедушка мне рассказывал, как это случалось раньше, и что так обязательно произойдёт снова. Но я всё тебе объясню позже. А сейчас нам нужно добраться до Большого холма.

— Я с вами н-никуда не пойду!

Девушка задумчиво прикусила нижнюю губу, потом сняла с шеи тонкую длинную цепочку. Колокольчик на ней ме-

лодично звякнул.

— Вот, надень. — Она протянула украшение Саше и ободряюще улыбнулась. — Он покажет тебе правду.

Колокольчик вновь тихонько зазвенел, будто приветствуя новую владелицу. Саша надела его на шею.

— А теперь пойдём. Ты всё увидишь сама. — Свечка высунула голову из-под земляного свода, на пару секунд замерла, оглядываясь, потом выбралась из пещеры.

— Иди сюда, оглядись.

Саша, ещё не успев покинуть укрытие, сразу поняла, что что-то изменилось. Нет, не так. Изменилось всё! До неузнаваемости! Солнечный день сменился безрадостной реальностью, укутанной в плотную пелену тумана. Теперь трава и камыши не радовали глаз сочной зеленью, а торчали тут и там смутными чёрными силуэтами. Звуки исчезли совсем, будто их поглотила вязкая белёсая вата. В нос ударил запах гнили, будто рядом было болото, а не приветливая сонная речка.

— Я... Я не понимаю...

— Этот колокольчик — творение добра.

Свечка указала на серебряную вещицу на Сашиной груди. Во мраке, что так внезапно разрушил привычный, безопасный мир, кулон мягко светился и разгонял тьму, точно крохотный маяк.

— Добро никогда не обманывает, — продолжала Свечка. — Оно всегда показывает всё как есть. А вот зло пойдёт на

любую хитрость, чтобы переманить тебя на свою сторону.

Саша не была плаксой. Она считала себя вполне взрослым человеком, который способен здраво оценить любую ситуацию. Но сейчас это было выше её сил, и она поняла, что вот-вот разревётся. Сдерживая предательские слёзы, она про-бормотала:

— Я не понимаю...

— Здесь есть одно место, куда туманницы не сунутся. На ТОЙ стороне, которая наша, Чужой туман приходит не из леса. Он рождается в доме бывшей мерещицкой Свечи. Мы, когда на нашей стороне, заходить в него не должны. А здесь, на ЭТОЙ стороне, в него ходу нет туманницам и им подобным. Он — нейтральная территория. Нужно сперва до того этого дома добраться. А потом уж к Большому холму пойдём. Нельзя нам возвращаться, пока ты всего не знаешь.

Свечка уже собралась идти, как вдруг замерла, глядя на колокольчик на Сашиной груди. Теперь он сиял нежным голубоватым светом. Туман, заполнявший всё вокруг, дрогнул и отступил от подвески.

— Пригнись! — Свечка схватила Сашу за плечи и потянула вниз. — На ЭТОЙ стороне нам в открытом бою выиграть будет очень сложно.

Саша с трудом расслышала её испуганный шёпот за грохотом собственного сердца. Сквозь заросли камыша, к тому месту, где они притаились, двигалось нечто. В какой-то момент Саше показалось, что опасность позади: это был дядя

Женя. Он осторожно подбирался всё ближе, раздвигая заросли большими ладонями. На его широком усатом лице застыло выражение хмурой сосредоточенности. Колокольчик вспыхнул сильнее, и Свечка, протянув руку, прикрыла его ладонью.

— Подожди, миленький. Пусть вторая придёт.

В завихрениях серой дымки белые пальцы девушки дрожали, выдавая её волнение. Вся она казалась Саше тонкой стеклянной фигуркой, внутри которой пульсирует невидимый огонёк.

Дядя остановился всего в паре метров. Его мощная фигура выделялась чернотой в окружающей белёсой мгле. Он осмотрелся, уперев руки в бока. Сзади к нему подошла тётя Лида. Она ступала так тихо, будто крадучись. Интуиция заставила Сашу прижаться к земле. А потом Свечка убрала ладонь. Сияние подвески полыхнуло и разлилось пульсирующей волной. Она накрыла дядю и тётю, но они, кажется, этого совсем не заметили. Отчего-то очень хотелось отвернуться, спрятаться, убежать куда глаза глядят, но Саша продолжала смотреть.

Силуэты людей дрогнули, расплываясь. Казалось, с них постепенно сошли все краски. Тела вытянулись, потеряв прежнюю форму. Не люди! Жуткие подобиya: длинные угловатые конечности, бесформенные тела, обтянутые блеклой сероватой кожей. Головы, вытянутые, безволосые, с чёрными провалами глазниц... Крик замер на губах Саши, а на

левое плечо легла рука Свечки, затем раздался умоляющий шёпот:

— Пожалуйста, тише. Это туманницы.

— Они... Они не видят свет колокольчика?

— Нет, не видят. Колокольчик нам правду показал.

Туманницы, будто устав держаться прямо, неестественно сгорбились, показав узкие спины с уродливо торчащими рядами позвонков. Длинные узловатые пальцы почти коснулись земли. Чудовища медленно двинулись дальше, вдоль берега.

Сашу начала бить дрожь, такая сильная, что застучали зубы. Свечка встала.

— Двинемся незаметно за ними. Обогнём Большой холм и доберёмся до дома бывшей Свечи. Там я тебе всё объясню. Пожалуйста, пойдём. Боязно мне: слишком долго я тебя искала.

Свечка сокрушённо покачала головой. Саша, всхлипывая, поднялась. Ноги не держали, голова кружилась, в горле стоял ком. Теперь она почувствовала, насколько они чужие в этом мире. «На ЭТОЙ стороне, как сказала девушка, она называет себя Свечкой. Придётся ей поверить. А те двое — точно не мои дядя и тётя».

Сколько длилось путешествие до Большого холма, Саша не знала. Всё вокруг утонуло в «молоке». Белёсый мрак не только мешал рассмотреть хоть что-то на пути, он казался осязаемым и тяжёлым. Было трудно дышать. Одежда пропи-

талась зловонной влагой, будто они только что выбрались из болота. Саша, к счастью, никогда не тонула в болотах, но была уверена: примерно так чувствует себя человек, избежавший страшной гибели в коварной пучине.

«Мы-то ещё ничего не избежали...»

Колокольчик принимался светиться ещё три или четыре раза, когда рядом появлялись туманницы. Свечка уверенно шла впереди и каждый раз, будто предчувствуя новую волну голубоватого сияния, останавливалась и падала на землю, увлекая за собой Сашу. Они обе так перепачкались, что цвета одежды было уже не разобрать под толстым слоем грязи. Весь мир вокруг состоял из этой самой грязи, тумана и чёрных неясных силуэтов. Саша похвалила себя за то, что собрала волосы в хвост и выбрала одежду потеплее.

«Но ведь это мама настояла, чтобы я взяла тёплые вещи... Мамочка...» В глазах зашипало с новой силой. «А я всё спорила с ней, расстраивала! Хочу домой!»

По щеке скатилась слеза, и в этот момент Свечка остановилась.

— Мы почти добрались, — прошептала она через плечо. — Сейчас холм обогнём, а там недалеко и до...

Она не успела договорить. От огромной тени, маячащей впереди Большого холма, отделилась ещё одна — высокая угловатая фигура бросилась в их сторону. Двигалась она удивительно быстро. Колокольчик запоздало вспыхнул, Свечка закрыла Сашу собой. Монстр подскочил совсем близко

и протянул длинную уродливую руку. Гибкие грязно-серые пальцы сомкнулись на шее Свечки, а потом с силой отшвырнули в сторону. Саша, задрав подбородок и не чувствуя сил даже на то, чтобы закричать, смотрела в огромные чёрные глазницы. Туманница нагнулась к ней. На вытянутом безобразном лице появилась кривая щель рта. Чудовище выдохнуло:

— Заря!

В нос ударило зловонное дыхание. Голос монстра, больше похожий на резкий скрипучий шёпот, пробрал до костей, заставил каждый волосок встать дыбом.

— Сгинешь, Заря! Сгинешь!

Саша отступила на шаг. Потом ещё на один. Вспомнив о подвеске, она крепко зажала её в пальцах и выставила вперёд, насколько позволяла длина цепочки. В ответ на это колокольчик издал мелодичный «дзинь» и засветился ещё сильнее. Туманница хрипло взывала и кинулась вперёд. Но голубое свечение отбросило её так же легко, как она до этого справилась с бедной Свечкой. Пепельно-серое тело покрылось жуткими чёрными ожогами. Туманница оглушительно завизжала, то сгибаясь почти пополам, то выпрямляясь во весь гигантский рост и потрясая длинными руками-плетями. «Свеченька, пожалуйста... Где же ты?!»

Теперь от колокольчика исходил настоящий жар. Серебро раскалилось и сильно обжигало пальцы. Голубые волны расходились от подвески во все стороны, разрывая вату тумана

в ключья.

— Отпусти! Отпусти подвеску! — внезапно раздался крик Свечки.

Саша послушно разжала пальцы, хоть и боялась остаться совсем незащищенной перед туманницей, которая, кажется, уже пришла в себя и разозлилась ещё больше. Цепочка соскользнула с шеи. Колокольчик, отчаянно звеня, полетел по воздуху. Туманница в страхе отпрыгнула в сторону и заскулила, словно дикий зверь. Звон причинял ей боль, заставлял отступать в туманное укрытие.

И тут из плотной пелены выступила Свечка. Она держалась очень прямо. Её длинные волосы теперь сами напоминали туман: они развевались в воздухе, будто их трепал ветер. Бледное лицо было суровым, а тонкая рука, которую она выставила перед собой, сжимала оружие-колокольчик. Глаза девушки светились подобно её подвеске — ярко-голубое сияние несло в себе невероятную силу. Туманница, почувствовав это, разинула чудовищную пропасть рта и оглушительно взвыла. Но её крик оборвали слова Свечки, сказанные ровным, уверенным голосом:

— Что породил Чужой туман, то станет с ним единым!

Туманница отступила.

— Что породил Чужой туман, то станет с ним единым!

Что породил Чужой туман, то станет с ним единым!

Свечка всё повторяла и повторяла эти слова. Сначала они прозвучали тихо, потом стали громче, а под конец перерос-

ли в крик. Звенел и колокольчик. Надрывно, пронзительно, но в то же время очень красиво и смело. Что-то внутри Саши очнулось, воспряло, сбросив колючие оковы страха. Она вытерла слёзы, с силой сжала кулаки и закричала:

— Что породил Чужой туман, то станет с ним **ЕДИНЫМ**.

Она не знала, поможет ли это Свечке, но почувствовала себя намного лучше. Внутриросло и крепло чувство собственной силы и уверенности, что всё теперь будет хорошо.

Туманница сжалась в дрожащий комок, продолжая что-то невнятно бормотать, а затем просто растворилась в тумане, став его частью. Во влажном тяжёлом воздухе повисла тишина. Саша с трудом перевела дух. Подошла Свечка и крепко её обняла.

— Спасибо, дорогая Зорюшка! Тебе так идут эти прекрасные розовые волосы! Думала, что они сменят цвет лишь в тот момент, когда ты примешься возвращать зарю, но ты такая сильная...

Саша непонимающе уставилась на подругу, ведь невозможно пройти через такое и не стать друзьями, а потом захватила пальцами длинную прядь и взглянула на неё. Чёрные волосы стали малиново-розовыми!

— Теперь тебе не нужен мой колокольчик. Ты обрела силу Зари и тоже видишь ЭТУ сторону такой, какая она есть. — Глаза Свечки торжественно сверкнули. — Теперь нам ничто не страшно.

Саша так и продолжала стоять с раскрытым от изумления

ртом, пока подруга не окликнула:

— Поспешим!

Саша поправила лямку рюкзака и бросилась вдогонку. Ещё несколько раз им навстречу попались монстры, рождённые Чужим туманом, но быстро об этом пожалели, рассеявшись под волнами голубого сияния колокольчика, его звона и звуков волшебных слов. Тень от Большого холма всё разрасталась, пока не закрыла собой и без того безрадостный горизонт.

Свечка замедлила шаг и обернулась. Её глаза потускнели, из них больше не вырывался небесно-голубой свет. Теперь это были самые обычные глаза, если не считать редких белоснежных ресниц.

— Обогнём Большой холм слева. До дома первой Свечи уже рукой подать. О, твои волосы стали прежними.

— Твои глаза тоже.

Свечка кивнула:

— Значит, сейчас мы в безопасности.

Саша огляделась. Она смогла увидеть совсем немного. Белые волосы и платье Свечки хоть и были покрыты грязью, но продолжали светиться, разгоняя мрак, царивший вокруг.

— Как ты понимаешь, куда идти?

Свечка пожала плечами:

— Не знаю. Но меня будто что-то ведёт. Давай поспешим.

В том доме мы сможем немного передохнуть.

Когда Большой холм остался позади, долгое время ниче-

го не было видно. Молоко тумана было таким плотным, что Саша различала только силуэт Свечки. Кожа на лице, руках и шее начала неприятно чесаться из-за влаги, наполнявшей воздух. Лямка рюкзака оттянула левое плечо, и оно начало противно ныть. Ноги устали от напряжения — идти по неровной, скользкой земле было нелегко. Мысли метались и жужжали в голове, точно рой беспокойных пчёл. Больше всего хотелось остановиться, заголосить и вырваться из этого вязкого, мерзкого, туманного болота. Может, она спит? Может, это всё — один большой кошмар?

«Тогда нужно срочно просыпаться... А там тётя напекла своих огуречных лепёшек. Они не такие уж и противные... А потом скорее бежать на Большой холм и звонить маме... Мама поймёт, что нужно поскорее меня забирать! Мама всегда всё понимает!»

Свечка, шедшая на пару шагов впереди, резко остановилась, и Саша налетела на неё с громким охом.

— Смотри, вон там что-то чёрное угловатое виднеется. Это, должно быть, дом бывшей Свечи!

Никогда Саше не хотелось бежать навстречу чему-то чёрному и угловатому. Но сейчас у неё просто не было выбора. Она снова поправила лямку рюкзака, поудобнее расположив его на спине, и бросилась вдогонку. Насколько она могла понять, этот странный туманный мир был полным отражением нормального мира, только отчего-то он утонул в тумане. Если это так, то можно было хотя бы примерно представить,

где они сейчас находились. Оставив Сонницу справа, а Большой холм — позади, они двигались в сторону леса. Где-то здесь заброшенный посёлок и то, что осталось от предприятия по добыче щебня — огромный карьер, останки ржавой техники.

И точно: через пару минут идти стало ещё сложнее из-за деревьев — сначала они стояли далеко друг от друга, а затем сомкнули ряды. Начался лес. Тут и там из земли торчали невидимые из-за тумана коряги, ветки больно хлестали по щекам и плечам. Дорога, пусть и расширилась, осталась такой же скользкой и неровной. Саша пару раз упала и порвала и без того потрёпанные джинсы.

Наконец Свечка радостно воскликнула:

— Вон он!

Саша так устала, что сперва ничего не смогла разглядеть. Подойдя же к дому бывшей Свечи поближе, огорчённо вздохнула. Он оказался старым, покосившимся и совсем не выглядел надёжным укрытием. Ставни на окнах были закрыты, в деревянной двери зияли чёрные трещины. Крыша кое-где прогнулась, грозя провалиться, похоронив под собой ветхие от времени стены.

Но Свечка, казалось, этого не заметила. Она вся светилась изнутри, и её грязное, с разорванным подолом платье тоже излучало нежный, прекрасный свет. С радостным криком она подскочила к дому и уже потянулась к старой изогнутой ручке, как дверь, протяжно скрипнув, открылась сама!

Свечка, совершенно не удивившись, с торжественной улыбкой шагнула через порог.

Саша нашла её в тёмном пыльном коридоре. В нём не было мебели, только ещё одна дверь, плотная, обитая выцветшим тряпьем. Вела она, скорее всего, во внутренние комнаты. И вновь случилось невероятное: заржавевшие петли скрипнули, и дверь медленно отворилась.

Запах пыли был таким сильным, что Саша чихнула и тут же подпрыгнула от неожиданности: из комнаты выскочил небольшой пушистый зверёк, потянулся и замер на пороге. Серая, невзрачная шкурка, длинный тонкий хвост, острые ушки и огромные зелёные глаза.

— Кошка!

— О-о-о, — с умилением протянула Свечка. — Кошка с ТОЙ стороны!

— Её так зовут?

Через пару секунд кошка метнулась к входной двери и принялась неистово скрести её когтями.

— Ты хочешь уйти?

Свечка выпустила кошку, и она тут же скрылась в тумане.

— Я до сих пор совсем ничего не понимаю, — простонала Саша, прижав ладони к щекам.

— Здесь мы сможем поговорить. Я всё тебе объясню. Скажи, дом уже помог тебе?

Вопрос был очень странным. Саша измученно уставилась на Свечку, но тут же её лицо просветлело: это была правда!

Ей действительно стало намного лучше: она согрелась, хоть одежда ещё и была пропитана влагой. Ноги и оттянутое рюкзаком плечо больше не ныли от усталости. А внутри поселилось какое-то странное умиротворение.

— Вот видишь! — Свечка без слов поняла подругу. — Дедушка мне рассказал: «Коль затянет ТА сторона, поспешай к дому мерещицкой Свечи. Он — прибежище и заступа. А вот на НАШЕЙ стороне к дому ни-ни! Там рождается Чужой туман».

С каждым словом Саша понимала, что запутывается всё больше и больше. Видимо, мысли вновь отразились на её лице.

Свечка сокрушённо вздохнула:

— Эх, жаль, что мы с дедушкой не знаем, где дневник бывшей Свечи! Говорят, его проглотил Чужой туман.

Саша сняла с плеча рюкзак, раскрыла его и, покопавшись в вещах, вытащила блокнот, который нашла на чердаке.

— Может быть, это он?

Свечка издала возглас искреннего удивления и радости:

— Это точно он! Точно! Но как это возможно?! — Она было протянула дрожащие от волнения белые тонкие руки, но остановилась. — Лучше его пока спрятать. Сперва нужно соблюсти правила. Дедушка говорил так: «Как ступишь через порог, прислушайся, загляни в себя. Коли почувствуешь лёгкость и тепло в душе, значит, дом тебя принял. Потом отыщи свечи. Зажги одну. Да так, чтобы поняла она, что ты

помощи от неё ждѣшь. После ступай через следующий порог. Но в гостях не засиживайся. Лишь только свеча догорит, ступай прочь».

Свечка поднялась и огляделась. Саша поняла, что она ищет. Но в крохотном коридоре не было ни шкафов, ни полок. Свечка медленно пошла вдоль стен, внимательно глядя под ноги. Саша осторожно заглянула за приоткрытую дверь, ведущую вглубь дома, — снова совершенно пустая комната. Прямо — три прямоугольных заколоченных окна. Всё выглядело почерневшим, пыльным и заброшенным.

— Нашла! — послышался сзади радостный возглас Свечки.

В руках она держала небольшую жестяную коробочку, потемневшую от времени. Ласково проведя по крышке пальцем, Свечка протянула свою драгоценную находку Саше. Та, взяв её, с удивлением отметила, что коробочка была увесистой и, что самое главное, тёплой! Кое-где на круглой крышке и боках сквозь слой грязи и пыли проступал витиеватый узор: переплетение изящных голубых и белых веточек. Саша поняла, что улыбается. Не было сомнений, ЧТО хранилось внутри. И точно: под жестяной крышкой обнаружилось с десяток толстых жёлтых свечей.

Свечка протянула руку и взяла одну из них.

— А спичек или зажигалки какой-нибудь ты не нашла?
— спохватилась Саша.

Свечка покачала головой:

— Нет. Только эту коробочку.

— Ну вот...

— Может быть, её надо разжечь как-то по-другому?

Саша, как ни старалась, не смогла вспомнить никаких способов разжигания свечей, кроме самого очевидного. «Ну не трением же огонь добывать!»

Свечка перевернула толстый восковой столбик фитилём вверх и вслух попросила:

— Зажгись.

Ничего не произошло.

— Прошу тебя, зажгись! — попросила она уже более уверенно.

Снова — ничего.

— «Зажги её, но так, чтобы она поверила, что тебе нужна помощь», — задумчиво произнесла Свечка. Немного постояла, а потом развернулась к входной двери и распахнула её.

У Саши перехватило дыхание: в дом тут же ворвались промозглые завихрения тумана. Вдалеке показались долговязые чудовищные фигуры, почувствовавшие близкую добычу.

— Что ты делаешь?! Закрой скорее!

Но Свечка упрямо шагнула через спасительный порог с вытянутой вперёд рукой.

— Пожалуйста, зажгись! Нам не справиться без тебя.

Саша, оставшаяся одна в коридоре, задрожала и отступила вглубь дома, чуть не споткнувшись о выступающий порог

между двумя комнатами. Белая хрупкая фигурка скрылась в мрачной пелене. Сердце заколотилось с бешеной скоростью. Прошли долгие секунды, а может, и минуты, как вдруг мглу разрежала резкая вспышка — пламя свечи! Свечка торжественно вернулась в дом. Она дрожала, в её глазах снова мерцали удивительные голубые искры.

— Вот видишь! У нас всё получается. Идём скорее.

Они прошли в следующую комнату. Огонёк, пляшущий на тонком чёрном фитиле, дёрнулся, вытянулся и разгорелся ярко-ярко. Хотя комната и не была погружена в темноту, теперь стало казаться, что она освободилась от странной, искажающей реальность пелены. По углам начали проступать силуэты стульев, большого круглого стола и низкой кровати возле высокой кирпичной печки. Брёвенчатые стены украсил тёплый золотистый свет. Как было в тот момент, когда Саша впервые открыла дневник бывшей Свечки в доме своих дяди и тёти. Сердце болезненно сжалось: «Что, если монстры им навредили?»

Тем временем Свечка установила горящую свечу в низкий резной подсвечник, стоявший на большом круглом столе. Сама она уселась на один из жёстких деревянных стульев с высокой спинкой и призывно помахала Саше.

— У нас мало времени, но мы не можем идти на Большой холм, пока ты не узнаешь «Легенду о Гремящем» и о других мерещицких Ратниках.

Саша опустила на соседний стул.

— Покажи мне, пожалуйста, дневник. Так где же ты его нашла?

— На чердаке. В доме дяди и тёти. — Саша снова достала блокнот и положила его на грубую столешницу.

Свечка была очень удивлена:

— Но мы все думали, что он остался где-то на ЭТОЙ стороне, после того как бывшая Свеча... как она потеряла ясность разума.

Тонкие белые пальцы девушки перевернули потёртую обложку. Золотистые узоры на ней теперь будто бы засияли ярче.

— На первых страницах ничего не разобрать, — начала Саша. — А потом идёт какая-то абракадабра.

— Это оттого, что последние страницы Свеча писала, находясь на ЭТОЙ стороне. Но позволь мне рассказать тебе всё с самого начала. Так, как мне поведал об этом дедушка. Есть песня, что зовут «Колыбельной Свечи».

Свечка негромко запела. При первых же словах Сашу захлестнули воспоминания и странная, мучительная тоска. «Большой холм, жарища. Близнецы и Костя налетают на Свечку. Потом она начинает петь...»

Что тебе мерещится в сумрачном лесу?

Грезится да плещется. Сгинешь — не спасу...

Когда Свечка перешла к последнему куплету, её голос уже звучал совсем не робко, а смело и даже торжественно:

Раз решился — выходи и судьбу встречай!

Там беде не справится, где горит Свеча.

Песня оборвалась. Саша захлопала промокшими ресницами.

— Ты действительно и есть эта самая Свеча. И ты ГО-РИШЬ!

Свечка тепло улыбнулась и протянула Саше дневник. Он был открыт почти в самом конце. Там, где раньше было только «бу-бу-бу», теперь появился разборчивый текст, написанный красивым, аккуратным почерком:

До сих пор не отыскала я пути назад, домой. Лишь Кошка с ТОЙ стороны — вестник мой, да добрая подруга, которой неведомы преграды. Но когда-нибудь, когда Чужой туман в очередной раз отправится на ТУ сторону, я вернусь вместе с ним...

Саша закусила губу и умоляюще посмотрела на Свечку. Та кивнула, перелистала несколько страниц назад и принялась читать. Раньше этого в дневнике точно не было.

Давным-давно, ещё до первых звёзд, зародился Свет. С ним зародилась и Тьма, величавшая себя великим Мором. Не дано им существовать друг без друга. Где один, там и вторая. И честно поделён был меж ними мир, да только один малый клочок земли остался без хозяина. Выходило так, что ежели забирал его Свет, то владения его превышали владения Тьмы. И наоборот. Равновесие хрупкое сберегли договорённостью: принадлежит Мерещица и Свету, и Тьме. Каждый может её своей считать. Днём — на одной стороне, но-

чью на другой. Заключили Договор. Призвали к строжайшему его соблюдению да назначили Ратников, чтобы следили за порядком. Стали жить в Мерещице простые люди, не зная о чудесной судьбе их родной земли.

Шли века, столетия. В один день заметили Ратники, что стала Тьма хитрить: ещё лишь вечерний соловей трель заведёт, а она уже хватъ — да Мерещицу себе забирает, приход ночи ускоряет. Повелели Ратники Тьме ответ держать. Пришла Тьма Чужим туманом, прорвав тонкий заслон меж двумя мирами, нарушила Договор: «Моя, — говорит, — отныне Мерещица станет, и богаче я буду, и могущественнее!» Встали Ратники на защиту Договора. Все, какие есть, пришли: двое из них, Ратники третьего порядка, что Вратами звались, не позволили Морю обрушиться на Мерещицу со всех сторон — восстановили заслон, оставив лишь небольшой портал. Тот Ратник, в чьих глазах очи Света, Решетом обратился. И не было ему труда отличить, где добро, а где зло, что изгнать следовало. С Чужим туманом справиться предназначено было мерещицкой Свече. Серебряный колокольчик на груди её грозным оружием стал, но не желал Мор великий Мерещицу покидать. Тогда сама Матушка-земля на помощь явилась: сотворила Гремящего. Лицом — чучело огородное, силою — великий воин. Всё в нём объединилось: и мощь земли, и удадь людская, и великая сила самого Света. Вместе со Свечой изгнал Гремящий из Мерещицы Мор проклятый. Заря — верная подруга Решета — новую зарю призвала, ко-

гда время настало.

Отступила Тьма, закрылись великие Врата, уснул Гремящий.

Свечка замолчала и подняла глаза. На её бледном худеньком лице танцевали отблески крохотного пламени.

— Понимаешь теперь? Я — Свеча, Костя — Решето, ты — Заря, а Семён с Митей — Врата. Так в Договоре написано. Дедушка мой не видел, а вот предок его на Великом совете был. И слышал всё. Тогда он и брат его в себе силу Врат открыли. Понимаешь, Гремящий не часто просыпается, но раз проснулся, значит, дело плохо.

Саша сидела молча. Она слушала и не слышала. «Что, если просто свалиться сейчас в обморок? А что, это идея. И всё закончится, как там, на Большом холме. Но... ведь после этого я оказалась в окружении чудовищ, которые притворились моими дядей и тётей!» Вслух же Саша спросила:

— Как я очутилась здесь? Почему?

Свечка смущённо потупила взгляд. Ей будто было за что-то очень неловко. Немного подумав, она, подбирая слова, проговорила:

— Заря не пришла. День не настал. На ТОЙ, нашей, стороне ещё ночь. Баланс нарушился, и тебя забрали туманницы. Мы с Гремящим не смогли тебя защитить. — Она всхлипнула. — Но Врата остались открытыми, и я пошла за тобой.

Все разрозненные факты вдруг собрались воедино: будто

Саша разложила перед собой пазл, собирала его по кусочкам, и теперь стало видно всю картинку.

Если это всё правда и она — Заря, то новый день не пришёл... по её вине! Потому что вместо того, чтобы сражаться со всеми, она хлопнулась без чувств, как какая-нибудь зефирная принцесса!

Саша вскочила и заходила по комнате. Она просто не могла в это поверить.

— Сашенька, ну ты чего? Мы всё исправим. Сейчас вернёмся на Большой холм, ты вернёшь зарю...

— Да не знаю я, как зарю возвращать! Я — Саша Зорина, а не супергероиня. Я живу в Москве, хожу в школу... Я вам не нужна, понимаешь?!

Свечка встала, подошла, взяла её руки в свои и крепко сжала.

— Ты — Саша Зорина, но ты и мерещицкая Заря! Или ты не заметила, что всё складывалось так, чтобы ты приехала этим летом, первый раз в жизни, в деревеньку на краю света?

— Но... я...

— Договор звучит так: как Мор подступит, пятеро Ратников должны встать на великую границу и смотреть, проснётся Гремящий или нет. Особенно бдительными нужно быть два раза в год: на летнее солнцестояние и в канун Рождества.

— Но летнее солнцестояние только в конце июня...

— Мор коварен. Он понял, что бывшая Свеча больше не горит. А я даже не достигла нужного возраста, потому и дру-

гие Ратники — почти дети.

— Я не понимаю! Всё равно не понимаю! Как обычные люди до сих пор живут в Мерещице?

Саша хотела высвободить руки, но тонкие белые пальцы сжимали их очень крепко.

Свечка покачала головой.

— Один из важных пунктов Договора: в Мерещице ВСЕГДА должны жить люди. Если случится так, что последний житель покинет свой дом, Тьма объявит, что Мерещица не нужна ТОЙ стороне и заберёт её себе. И тогда наступит конец. Конец Света.

Саша не могла поверить своим ушам. Но взгляд ярко-голубых глаз был таким искренним и твёрдым, что она не посмела возразить. Тихо, почти шёпотом, она спросила:

— И мои дядя с тётей ни о чём не знают? Или...

— Знают. Они — потомки свидетелей Договора. Они верят в легенду. И они не хотели, чтобы ты приезжала. Боялись за тебя. Всё тут одно к одному: в их доме раньше жила Свеча, и ты примерно моего возраста. Значит, могла быть избрана Зарёй. Вот оно и случилось. — Свечка перестала сжимать руки Саши и потянула её обратно к столу. — Пойдём, в ногах правды нет. У нас осталось ещё немного времени, и нужно будет возвращаться.

Саше хотелось уйти прямо сейчас, но она послушно села на стул.

— Что случилось с бывшей Свечой?

— Этот дневник — доказательство того, что она долгое время жила на ЭТОЙ стороне, но смогла вернуться. Вот только разум её от этого помутился. Мы все зовём её бабкой-бубуньей.

— О-о-о, — только и смогла произнести Саша, вспомнив сторбленный силуэт на туманной дороге.

— Она не злая. И кошка с ТОЙ стороны её любит.

— А почему в Мерещице нет других животных?

— Ещё во времена бывшей Свечи они пропадать стали.

— Свечка грустно вздохнула. — Раньше Тьма их не трогала, а потом потихоньку утаскивать стала — людям жизнь портить. Но кошка с ТОЙ стороны привязалась к бывшей Свече и пожелала с ней рядом быть.

Саша задумчиво смотрела на оплывший восковой столбик. Он укоротился почти вдвое, сверху образовалась блестящая лужица. Над ней плясало тонкое жёлтое пламя. Густая тень, что захватила комнату, отступала лишь перед этим бесстрашным огоньком. Клубилась, злилась, но справиться не могла. Наверное, так было и будет: баланс зла и добра, света и тьмы. Их вечное противостояние.

Свечка устало потёрла глаза.

— У нас времени — покуда горит эта свеча. Дольше оставаться нельзя.

— Почему ты сейчас выглядишь старше, чем в первую нашу встречу? — Саша поджала к груди правую ногу и положила подбородок на колено.

— Там, на нашей стороне, мне четырнадцать. Но сила Ратников сделала меня взрослее, чем я есть на самом деле, ведь Мор, воспользовавшись немощью прежней Свечи, поспешил напасть — не стал ждать, пока я подрасту. Моя сила заключена в подвеске-колокольчике. Врата не запоминают, как защищают портал, не давая Морю пелену между мирами уничтожить. Только вот каждый раз находит он где-то лазейки новые. — Свечка вздохнула: — А вот ты и Костя не из Мерещицы... Я не знаю, как именно будут проявляться ваши силы. Прости.

Саше было ужасно стыдно: повела себя как плакса и неженка. Чуть что — и в обморок. Позор.

— Мои никак и не проявятся.

— Ты слишком к себе строга, — звонко рассмеялась Свечка. — Кто, по-твоему, сразу справится, когда весь мир переворачивается вверх тормашками?

— В тебе изменения очень заметны. — Саша постаралась правильно подобрать слова, чтобы не обидеть подругу. — И сейчас ты... разговариваешь.

— Дедушка всегда говорил, что я особенная, что меня выбрал Свет. А я ему больше, чем себе верю. И на других я не обижаюсь. Ты не думай, я тебя всегда хорошо слышала и понимала. И очень благодарна, что тогда ты меня защитила. Эх и лица были у мальчишек, когда я «Колыбельную Свечи» запела! — Она снова звонко рассмеялась.

— Так ты это специально, что ли?!

— Ага.

Теперь Ратницы смеялись вместе. И тьма испуганно отступила ещё дальше, разорвалась на клочки и задрожала по углам.

Свечка вздохнула:

— Пора.

— погоди. — Саше тут же стало не до смеха. — Как мне вернуть зарю? И как я пойму, что пора? И...

— Ты справишься, Зорюшка, — было ей ответом.

Огонёк беспокойно затрепетал, поедая остатки жёлтого податливого воска. Саша спрятала дневник в рюкзак и закинула обе лямки на плечи. Живот неприятно скрутило, колени задрожали, а воздуха стало слишком мало, чтобы сделать нормальный вдох.

Когда свеча догорела и погасла, тьма обрушилась на Ратниц с новой силой. Деревянная дверь дома захлопнулась за их спинами. Свечка снова знала, куда идти. Почти сразу после того, как она шагнула через порог, её белоснежные волосы, платье и аккуратные туфельки наполнились нежным голубоватым сиянием. Саша осторожно ступала за ней след в след, как на свет маяка. В голову закралась робкая мысль: «Вдруг по пути никто не встретится, и мы спокойно доберёмся до Большого холма?» ТА сторона, или правильнее её будет назвать ЭТА, подозрительно притихла. Вокруг — только туман и чёрные силуэты чего-то неясного и застывшего. Ни дуновения ветерка, ни шороха. Чужой туман будто по-

глотил всё, что сам и создал. Но от этого было только страшнее. Звук собственных шагов звучал предательски громко. По лицу стекали капли вязкой влаги. Воздух казался горьким. Саша гнала от себя мысли о возвращении зари, но они всё равно настойчиво лезли в голову.

Наконец впереди замаячила огромная тень. Свечка замедлила шаг, повернулась к Саше и улыбнулась:

— Ну что, пошли домой?

Саша кивнула и неожиданно вздрогнула: мимо промчалось что-то маленькое и очень шустрое. Она успела рассмотреть кончик хвоста. Кошка с ТОЙ стороны замерла перед Ратницами, повернувшись к ним пушистой спинкой. Она явно нервничала: шерсть стояла дыбом, острые ушки подрагивали, ловя малейшие звуки. Улыбка сошла с губ Свечки.

— Там засада.

Сердце ушло в пятки.

— И что же нам делать?

— Идти вперёд. Обещай мне, что пройдёшь через Врата, несмотря ни на что!

— Не-е-ет! — Саша быстро замотала головой.

Свечка посмотрела на неё очень по-взрослому.

— Нужно вернуть зарю. И сделать это сможешь только ты. Иначе Мор заберёт Мерещицу навсегда.

«Навсегда... Навсегда...» — слово разорвало воздух и отразилось в нём множество раз. Тьма спустила своих сумеречных «псов» с цепей. Туманницы появились из ниоткуда. Бес-

численная армия монстров. Они обступили Ратниц со всех сторон и начали сужать круг.

Свечка бросилась вперёд. Саша — следом. Колокольчик неистово зазвенел и засиял, отбрасывая врагов, оставляя на их телах чёрные ожоги. Свечка прорвала ряды тех монстров, что поджидали на холме.

Саша почувствовала, что начался подъём. Приходилось карабкаться вверх, не разбирая дороги. Узкая тропинка петляла. Казалось, сам туман закручивается вокруг горла, сжимает тиски.

Свечка вдруг развернулась и отступила в сторону.

— Вместе не успеем. Беги! Верни зарю! — повелительно выкрикнула она, обогнула Сашу и бросилась назад, навстречу монстрам.

Секунда, и голубой огонь скрылся в плотной пелене. Ещё одна секунда потребовалась Саше, чтобы принять решение. Она больше не могла смотреть вслед подруге, времени осталось мало!

Саша рванула вверх по холму. Падая и обдирая коленки, она цеплялась за траву, вставала и мчалась дальше, выше. Быстрее! Быстрее! Впереди показалось слабое свечение. Из последних сил она сделала ещё пару шагов.

На вершине Большого холма стояли Семён и Митя, не давая portalу между мирами расширяться. По их телам взбились спирали тумана.

— Врата! — выдохнула Саша и сделала ещё шаг.

И тут кто-то, схватив её сзади за рюкзак, с нечеловеческой силой дёрнул на себя. Она еле удержалась на ногах, завертелась, стараясь вырваться. Лямки соскользнули с плеч. Саша мельком увидела широкое лицо с копной светлых волос. Глаза «дяди» пылали яростью, рот скривился, огромная рука откинула рюкзак в сторону. Завизжав, Саша бросилась к Вратам и в один прыжок проскочила мимо замерших туманниц.

В лицо ей ударил порыв холодного ветра. Чернильная темнота залила всё вокруг, но она была ПРАВИЛЬНОЙ и такой привычной. Тишина родного мира грохотала в ушах. Из глаз полились слёзы. Пытаясь отдышаться, Саша закрутила головой. Чуть позади от неё, в завихрениях тумана, возвышались силуэты близнецов.

Кто-то подошёл слева, положил руку ей на плечо и развернул к себе. Саша встретила взглядом с двумя пропастями глаз. В её лицо внимательно всматривался Решето.

— Костик...

Саша по-настоящему разрыдалась. Ей захотелось броситься ему на шею и крепко-крепко обнять, но она не решилась.

Глаза Кости сменили цвет на чистейший белый, и он отвернулся. Саша вытерла слёзы и увидела Гремящего. Взгляд глаз-пуговиц был устремлён в зияющую черноту портала. Сердце Саши болезненно сжалось. Вспомнились слова древней легенды.

— Свечка ещё там! — крикнула она охрипшим голосом.

Гремящий не повернулся к ней, не дал никакого знака. Но деревянная палка скрипнула, оттолкнувшись от земли, и подняла в воздух соломенное тело. В следующее мгновение Гремящий скрылся, исчезнув в путах ТОЙ стороны.

Саша беспомощно подняла глаза. Небо было таким, каким она его запомнила: тёмно-синим, с рванными клочьями облаков.

«Вернуть Зарю. Вернуть Зарю. Но как? Я обычная девочка. Я не знаю заклинаний. Свечка не дала никаких подсказок. Мамочки, что же мне делать?!»

Из портала вынырнул Гремящий. Его одежда, и без того в заплатках и дырах, теперь выглядела ещё хуже. На месте одной пуговицы торчали чёрные нитки. Но на его огромных соломенных руках лежала Свечка! Она больше не сияла. Хрупкие руки висели плетью.

В душе Саши вспыхнул гнев. Искра быстро переросла в пламя. Тело охватил жар. Из портала стали вылезать туманницы. На ЭТОЙ стороне их тела начали принимать самые разные формы: одна сразу сделалась травинкой, другая взмыла в воздух светлячком. Решето развёл руки в стороны, из его глаз «выплескивалась» чернота, гуще и насыщеннее, чем сама ночь. Туманницы, на которых падал взор Света, сразу же принимали истинную форму. Одна из них подкралась к Косте сзади и повалила на землю. Но Гремящий, успев уложить Свечку на траву, загромыхал своими же-

стяжными банками и обрушил удар на голову чудовища. Туманница растворилась в то же мгновение. Чужой туман, что успел наполнить ЭТУ сторону за несколько дней, рвался, истончался и бледнел с каждой следующей секундой. Из него появлялись и тут же исчезали туманницы.

Саша и не заметила, как её волосы и глаза вспыхнули ярко-розовым огнём. Вся она вытянулась струной и вновь подняла глаза в небо. Но на этот раз она не просила. Она требовала. Повелевала!

Заря, Заря, услышь меня!

Тобой повелеваю я!

Окрась багряным целый свет!

Яви спасительный рассвет!

Мрак, сковывавший небо, раскололся на миллионы осколков. Тьма взвыла и бросилась к Вратам. Глаза Решета не упускали ни единой крупички, мгновенно отделяя своё от чужого, добро от зла.

Небо тем временем залила багряно-розовая краска. На востоке полыхнул, показавшись над горизонтом, краешек солнца.

Битва за Мерещицу была окончена.



— Сашенька, поспеши! Плюшки стынут.

Солнечный зайчик скользнул по щеке и уселся прямо на кончик носа. Саша натянула одеяло на голову. Но уже в следующую минуту резко села на кровати. Окно было открыто. Ситец трепетал, пропуская утро в комнату. Пахло цветами и дождём. Сердце в груди взволнованно заколотилось, мысли запутались в тугой клубок и никак не хотели выстраиваться друг за другом.

В дверь постучали. Потом она открылась, и в комнату заглянула тётя Лида. Голубая косынка обрамляла худое, бледное лицо.

— Доброе утро.

— Доброе.

Саша на всякий случай отодвинулась подальше. Тётя переступила порог и остановилась, робко сложив руки на белом, в голубой цветочек, переднике. Она старалась не смотреть на племянницу.

— Ночью прошёл дождь.

События прошлой ночи встали перед Сашиними глазами чёткой картинкой. «Если заря пришла, то на какой стороне? Мы победили?»

— Я простирнула твою одежду. Штанишки-то заштопать надобно будет. И обувочку почистила.

— Спасибо... тётя.

— Вставай и пойдём кушать.

Разговор вышел коротким и неловким. Тётя вышла и прикрыла за собой дверь. Саша отбросила одеяло, спустила ноги с кровати и ойкнула. Задрав штанины пижамы, она увидела широкие полосы пластырей и пару-тройку огромных сине-жёлтых синяков. Осторожно подошла к большому зеркалу, прикреплённому к дверце шкафа. Из зеркала на неё посмотрела перепуганная девчонка со всклокоченными, грязными волосами. На лбу и правой щеке — свежие царапины. Глаза огромные, будто она только что увидела монстра. Монстра...

В комнате было прохладно. Среди одежды нашёлся тёплый спортивный костюм, тёмно-синий, с капюшоном. Самое то. Бежевая футболка, носки... Такое себе зрелище, конечно, зато удобно.

Одевшись, Саша покрутила головой в поисках рюкзака — в нём должна быть расчёска. Но рюкзака нигде не было... Он остался... там, на ТОЙ стороне. «Это не к добру!»

Зато резинка нашлась на столе. Морщась и охая, Саша продрала грязные пряди пальцами и собрала их в хвост. Отражение лучше не стало. Вздохнув, она отправилась на кухню. Знакомый запах огуречной выпечки заставил улыбнуться. Живот громко заурчал. Тётя, услышав этот звук, будто очнулась, поборов всю неловкость.

— Батюшки! Бедный ребёнок!

Тётя всплеснула руками и добавила к горе плюшек, уже выложенных на тарелку, ещё две.

— А где дядя?

— В поле. Кой-кому помочь нужно.

Позавтракав и кое-как отмывшись в бане, — ссадины ужасно щипало от воды и мыла, — Саша вышла в огород. Светило солнце, на листочках и травинках поблёскивали капли недавнего дождя. Пройдя по узкой меже, Саша облокотилась на невысокий забор и увидела знакомый пейзаж: изумрудные холмы, лес, серебряную ленту Сонницы с перекинутым через неё мостом, поле. А на его границе... высокую, широкоплечую фигуру. На огромной голове наверняка была шляпа, на серо-чёрных лохмотьях — ряды жестяных банок.

Саша вцепилась в треугольные верхушки досок. «Отсюда не видно, но ему не хватает одного глаза-пуговицы. Нужно будет пришить. Обязательно. Ведь он — один из Ратников и спас Свечку».

Из-за шаткой дверцы, ведущей в огород, выглянула тётя. — Сашенька, к тебе пришли друзья.

Саша поспешила назад, пару раз чуть не свалившись на аккуратные грядки. На ногах снова были скользкие, но уже такие родные калоши.

Проскочив насквозь сени, она подняла засов входной двери и, открыв её, вышла на крыльцо. Прямо перед ним стояли близнецы. Оба в застиранных рубашках и закатанных до колен штанах. Рыжие волосы топорщились во все стороны, веснушчатые лица расплылись в улыбках. Саша, вспыхнув

до корней волос, сбегала по ступенькам. Митяй, оказавшийся ближе, смущённо потупил взгляд.

— Привет!

— Привет!

Саша не удержалась и обняла его. Глаза вновь предательски защипало. «Ну что за плакса!»

— Влюбилась, что ли?

Сердце Саши ухнуло в пятки. Близнецы расступились. За ними, привалившись к фонарному столбу, стоял Костя, в новеньких джинсах и свободной коричневой футболке. Надменные зелёные глаза сверкнули из-под длинной чёлки.

Саша сделала пару шагов вперёд. Костя продолжал подпира́ть столб. Хотелось одновременно радостно обнять мальчишку и придушить его. Саша выбрала третье.

— Кто-нибудь видел Свечку? — спросила она взволнованно.

Близнецы переглянулись, будто не поняли, о ком она говорит.

Костя хмыкнул:

— Да на поле она. Дядя твой помогал ей чучело чинить.

— Может, тоже туда пойдём?

— Мы-то запросто пойдём хоть куда, но Костян не может. Ему собираться надо. Говорят, электрички снова ходить начали. За ним уже мама едет.

— Уберусь отсюда подальше, — нарочито равнодушно бросил Костя.

Вся радость в душе мгновенно улетучилась. На её место пришло жестокое разочарование.

— А как же без нас Мерещица?

— А чё ей будет? Веками стояла и ещё столько же простоит, — хмыкнул Семён.

Саша с Костей переглянулись.

На поле, что раскинулось перед Сонницей, гулял ветер, играл травинками, гремел жестяными банками на чёрных лохмотьях. Две блестящие пуговицы вновь стали кусочками чёрного пластика и не видели ничего, что происходило вокруг. Гремящий спал.

В тот же вечер приехал дядя Андрей, такой же высокий и светловолосый, как дядя Женя. Увидев ссадины и синяки Саши, он весело рассмеялся:

— Вот оно, счастливое детство! Но вынужден прервать твой деревенский отдых, племяшка. Родители просили поскорее тебя привезти.

На душе вдруг стало тоскливо. Самолёт вылетал из Москвы на следующий день, поэтому ночевать они не остались.

Родные проводили Сашу до границ деревни. Дядя Женя ласково потрепал её по щеке и сказал:

— Ну, ты сильно-то не горюй. Не прощаемся.

Его широкий лоб прорезали глубокие морщины. Тётя Лида собрала в дорогу огуречных лепёшек. Передавая Саше завязанный за ручки пакет, она шепнула:

— Я отнесла твоей подружке шаль. Жаль, что вы не успе-

ли с ней свидеться, но ты не переживай: она с дедушкой. Он о ней позаботится.

Было в этих словах что-то такое, отчего Саша не сдержалась и крепко обняла тётю. От её совершенно старомодного, но такого нежного платья пахло летом, выпечкой и свежей травой. Не ожидая, что скажет это вслух, Саша прошептала:

— Я не хочу уезжать. Что, если без меня...

По лицу тёти пробежала тень потаённой боли.

— Не хотели мы, Сашенька, чтобы так... А оно вон, как вышло. Знали всё да поделаться ничего не могли. Эта роль тяжкая на твои плечи легла, и не изменить ничего.

Саша вновь крепко обняла тётю и расплакалась, размазывая слёзы по светло-голубой ткани платья. Она почувствовала, как на её спину легла тёплая рука и принялась гладить, успокаивая.

— Хоть ненадолго, здесь всё будет хорошо. Вот, возьми.

Тётя осторожно отстранилась и протянула свёрнутый в несколько раз листок бумаги. Саша развернула его, и почувствовала, как внутри, отгоняя печаль, разгорается маленький огонёк.

Всего несколько слов, выведенных нетвёрдой рукой, заставили широко улыбнуться:

«Мерещица всегда помнит свою Зарю. Совсем скоро мы встретимся вновь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.